

ФЕДЕРИКО МОЧЧИА

ТРИ МЕТРА НАД НЕБОМ

*я тебя
хочу*

Федерико Моччиа Три метра над небом. Я тебя хочу

Серия «Три метра над небом», книга 2

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10752183

*Федерико Моччиа. Три метра над небом. Я тебя хочу: Лимбус Пресс;
Москва; 2019*

ISBN 978-5-386-10401-6

Аннотация

Вторая часть трилогии «Три метра над небом». Главный герой Стэп после двухлетнего странствия по Америке возвращается в родную Италию. Он так и не смог забыть свою первую большую любовь. Справиться с этим ему помогает новая девушка, Джин. Казалось бы, старые отношения остались в прошлом, но судьба вновь сводит его с Баби. Юноше предстоит узнать, способна ли новая любовь залечить старые раны.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

164

Федерико Моччиа

Три метра над небом. Я тебя хочу

FEDERICO MOCCIA

No voglia di te

No voglia di te © by Federico Moccia, 2006 by Agreement
with Pontas Literary & Film Agency

©Перевод на русский язык. ООО «Издательство К. Туб-
лина», 2019

©Издание на русском языке, оформление ООО Группа
Компаний «РИПОЛ классик», 2019

*Посвящается Джин. Эту историю мне
рассказала твоя улыбка.*

*Бабушке Элизе и тете Марии, которые так
хорошо и с такой любовью готовили.*

И которые в тот самый день пришли ко мне...

— Я хочу умереть. — Вот что я думал, когда два года назад, бросив все, садился в самолет. Я хотел разом со всем покончить. Да, так лучше всего: простая авиакатастрофа, чтобы не было виновных, чтобы мне не было стыдно, чтобы никто не пытался докопаться до истинной причины... Я помню, самолет трясло в течение всего полета. Снаружи бушевала буря, и пассажиры сидели напряженные и перепуганные. И только я один улыбался. Когда тебе плохо и все вокруг видится в черном цвете, когда у тебя нет будущего и тебе нечего терять, когда каждый миг давит на тебя... Всем своим весом. Невыносимо. И дыхание твое прерывисто. И ты хочешь во что бы то ни стало избавиться от этой тяжести. Любым способом. Пусть самым простым, самым трусливым, лишь бы снова не откладывать на завтра эту мысль: ее нет. Ее больше нет. И тогда тебе тоже больше не хочется быть. Хочется исчезнуть. Пуфф! Без всяких проблем, никому не доставляя хлопот. Так, чтобы никто не спросил взволнованно: «А ты разве не знал? Да, именно он... Знаешь, что с ним случилось?». И этот тип будет рассказывать, как ты погиб, добавляя все новые и новые подробности. Он придумает что-нибудь невероятное, как будто он знал тебя всю жизнь, как будто он один по-настоящему понимал твои проблемы. Как странно... Ты и сам-то не успел их понять. И ты ничего уже

не сможешь сделать: эту историю будут передавать из уст в уста. Тоска зеленая. Память о тебе попадет в руки какого-нибудь засранца, а ты никак не сможешь этому помешать.

Ну так вот, в тот день у меня было неодолимое желание встретиться с кем-нибудь из этих клевых волшебников, которые на твоих глазах накрывают плащом голубя, и вдруг – пуфф! – его уже нет. Нет его, и все тут. И ты, довольный, уходишь с этого представления. Там еще, возможно, были балерины, как обычно, чуть толще, чем следовало, ты сидел в таком старинном кресле, довольно жестком, в зале, кое-как оборудованном в каком-то подвале. Да, там еще, возможно, пахло плесенью и сыростью. Одно точно: никто так и не узнает – куда делся тот голубь. Да нет, все не так. Мы не можем просто взять и исчезнуть. Прошло время. Два года. Теперь я прихлебываю пиво, вспоминаю, как я хотел стать таким вот голубем, улыбаюсь и мне немного стыдно.

– Хотите еще?

Стюард улыбается мне, придерживая тележку с напитками.

– Нет, спасибо.

Я смотрю в иллюминатор. Мимо проплывают окрашенные в розовый цвет облака: рыхлые, мягкие, конца им нет. Где-то вдали, за облаками, восходит солнце. Оно еще не совсем проснулось. Не могу поверить. Я возвращаюсь, сидя в кресле под номером 27. Это мое место в самолете: правый ряд сразу за крыльями, центральный проход.

Итак, я возвращаюсь. Красивая стюардесса, проходя мимо, тоже мне улыбается. Она слишком близко. Как у «Нирваны»: «If she comes down now, oh, she looks so good...» Легкий запах духов, униформа сидит безупречно, довольно прозрачная блузка, сквозь которую виднеется кружевной бюстгальтер. Она ходит взад-вперед по самолету, улыбаясь, и нет у нее никаких проблем и переживаний. «If she comes down now...»

– Ева – прекрасное имя.

– Спасибо.

– Вы искушаете меня, как та, библейская Ева...

Некоторое время она пристально смотрит на меня. Я ее успокаиваю.

– Но не запретным плодом. Можете дать мне еще пива?

– Но это уже третье...

– Конечно, если так пойдет... Я пью, чтобы забыть вас.

Она улыбается. Кажется, я ее развеселил.

– А вы всегда считаете, кто сколько выпил, или это я вас так впечатлил?

– Это как вам больше нравится. Знаете, пиво попросили вы один.

Перед тем как уйти, она снова улыбается. И удаляется слегка танцующей походкой. Я выглядываю в проход. Идеальные ноги, темные эластичные утягивающие колготки, строгие туфли, как у них положено. Светлые, слегка мелированные волосы сплетены в косички и собраны в хвост, пада-

ющий на спину. Она останавливается. Я вижу, как она разговаривает с господином, сидящим впереди, в том же ряду, что и я. Она выслушивает его просьбы, молча кивая. Потом, засмеявшись, успокаивает его. Прежде чем уйти, оборачивается. Смотрит на меня: зеленые глаза, слегка обведенные карандашом, на верхних веках темные тени. Во взгляде – интерес. Я раскрываю объятия. На этот раз улыбаюсь я. Господин еще что-то говорит. Она профессиональным тоном отвечает и удаляется.

– Очень симпатичная стюардесса.

Моя соседка сбивает меня с мысли. Она внимательно смотрит на меня и улыбается, хитро глядя из-за толстых стекол очков. Ей лет пятьдесят, выглядит для своих лет неплохо, только сережки у нее слишком громоздкие. Впрочем, и синих теней на веках тоже многовато.

– Да, она просто кнелька.

– Что?

– Кнелька. Так у нас в Риме называют таких, как она. На самом деле, у нас говорится похлеще, но сейчас не тот случай.

– Кнелька... – Она качает головой: – Никогда не слышала.

– Ну как же, кнелька... Иногда еще говорят: смачная кнелька. Симпатичное выражение, взятое из кулинарии. Вы же слышали об итальянских кнелях?

– Ну конечно. Не только слышала, но и ела их сто раз.

Она смеется от удовольствия.

– И они вам нравятся?

– До умопомрачения.

– Ну вот видите. Когда вы говорите про девушку, что она кнелюка, это значит, что она вкусная, как те штуки, что вы ели.

– Да, но это смешно – представлять ее кнелюк. Знаете, это как-то... как бы сказать... несурально!

– Да нет же! Вы просто должны представить себе такие кнелюк, с горячим соусом, с начинкой, тающей во рту, они так прилипают к небу, что потом их надо отцеплять языком.

– Ну, в общем, я поняла. Вы большой любитель кнелюк.

– Вообще-то, да.

– И часто вы их едите?

– В Риме – очень часто. В Нью-Йорке я никогда не ел итальянскую пищу, сам не знаю почему, из принципа может быть.

– Странно, а говорят, там полно превосходных итальянских ресторанов. Вот, смотрите, она идет назад, эта кнелюка.

С довольным смехом дама показывает на возвращающуюся стюардессу. Та улыбается, в руке у нее бокал пива. Она настолько хороша собой, что кажется – сошла с рекламного буклета.

– А вы ей скажите, что она – кнелюка: увидите, как ей будет приятно.

– Нет, вы просто смеетесь надо мной.

– Да нет же. Уверяю вас: это комплимент.

– Значит, ей так можно сказать?

– Конечно, скажите.

Стюардесса подходит, протягивает мне подносик, посередине которого стоит бокал на бумажном кружке.

– Вот ваше пиво. Больше не просите, скоро идем на снижение.

– Я и не собирался больше просить. Кажется, я начинаю вас забывать. Хотя это не так уж и просто.

– Правда?.. Ну спасибо.

Я пробую пиво.

– Отличное пиво, спасибо – то, что надо: холодное, как я люблю. Да еще поданное вами – совсем как пиво с рекламы.

– Простите за любопытство: а что вы забудете во мне в первую очередь?

– Может быть, то, как вы были одеты...

– Вам не нравится наша униформа?

– Нравится. Просто я буду представлять ее по-другому...

Она смотрит на меня в недоумении, но я не даю ей возможности ответить.

– Вы надолго в Рим?

– На несколько дней... Сентябрь в Риме – это супер. Я хочу походить по магазинам. Может быть, найду какую-то одежду, в которой меня не забудут.

– О, я уверен. Вы найдете себе прекрасную одежду, потому что Вы... как это сказать... как это говорится?

Я поворачиваюсь к даме, сидящей рядом со мной.

– Помогите же мне.

Лама, кажется, немного робеет, но выпаливает:

– Вы... кнелъка!

Стюардесса смотрит на нее в замешательстве, переводит взгляд на меня. Брови ее ползут вверх, и вдруг она начинает хохотать. Уже неплохо. Дело пошло. Я тоже смеюсь.

– Отлично сказано, именно это я и имел в виду!

Стюардесса по имени Ева, качая головой, удаляется по проходу.

– Просим вас пристегнуть ремни.

Ее хвост, затянутый на затылке, покачивается так же обворожительно, как и все остальное... Прямо как крылышки бабочки. Бабочки, которую хочется поймать. Была такая песня, от которой я сходил с ума в Штатах, такая английская песня, популярная пару лет назад...

«I'm gonna keep catching that butterfly...» Это «The Verve». Пытаюсь вспомнить, как там дальше. Забыл. Чей-то голос выводит меня из задумчивости. Лама возится в своем кресле.

– Уф, вечно не могу найти ремень в этих самолетах.

Я помогаю соседке, которая навалилась на меня всем телом.

– Вот он, синьора, он тут, внизу.

– Спасибо. Никогда не могла понять, зачем он нужен. Ведь он не пристегивает нас крепко-накрепко.

– Да уж, это точно.

– В общем, если нас дернет, это не совсем так, как в машине.

– Нет, совсем не так, как в машине, нет... Вы боитесь?

– До смерти.

Она смотрит на меня и, кажется, раскаивается, что сказала именно эти слова.

– Ну, синьора, от судьбы не уйдешь.

– Что вы имеете в виду?

– То, что сказал.

– А что вы сказали?

– Вы прекрасно поняли.

– Да, но я надеялась, что не так поняла. Я до ужаса боюсь самолетов.

– По вам не похоже.

Она очень нервничает, пытается улыбнуться пересохшими губами. Я отхлебываю пиво, и мне хочется повеселиться.

– А вы знаете, что авиакатастрофы обычно случаются или при взлете, или...

– Или когда?

– Или при посадке. То есть скоро.

– Что вы такое говорите?

– Правду, синьора. Нужно всегда говорить правду.

Делаю еще глоток пива и краем глаза вижу, что она смотрит на меня в упор.

– Прошу вас, скажите же что-нибудь.

– И что вы хотите, чтобы я вам сказал, синьора?

– Отвлеките меня, чтобы я не думала о том, что могло бы...

Она сильно сжимает мне руку.

– Мне больно.

– Простите.

Слегка разжимает руку, но не убирает ее. Я начинаю что-то рассказывать: истории из моей жизни, не связанные между собой, – все, что приходит на ум.

– Так вы хотели узнать, почему я уехал?

Дама кивает. Она слова не может вымолвить.

– Ну, знаете, это длинная история...

Она кивает еще решительнее, ей хочется слушать, все равно что, лишь бы немного отвлечься. Мне кажется, я разговариваю с другом, со своим другом...

– Ну так вот, его звали Полло. Странное имя, не правда ли?

Дама не уверена, нужно ли ей согласиться, чтобы я продолжал, или нет.

– Ну так вот. Этого друга я потерял два года назад. Он был все время со своей девушкой, Паллиной. Она очень умная, с живыми, всегда веселыми глазами. Ужасно умная, за словом в карман не полезет, язва такая.

Соседка слушает молча, в глазах – любопытство, почти восхищение от моих слов. Как странно... Иногда с незнакомыми людьми проще, можно легко рассказать им о себе все, как есть. Может быть, потому, что тебе неинтересно, что они

о тебе подумают?

– А я был с Баби, лучшей подругой Паллины.

Баби... И я ей рассказываю все: как я с ней познакомился, как начал смеяться, как влюбился, как скучал по ней... Кратоту любви можно увидеть, только потеряв ее. Может быть, так получается, когда начинаешь анализировать. Я часто задался таким вопросом. Но в этих делах разве можно до конца оставаться искренним? Надо будет спросить об этом кого-нибудь, кто через это прошел. Когда я говорю, я думаю. То и дело останавливаюсь. Дама чрезвычайно заинтересована: мой рассказ полностью поглотил ее внимание, она уже успокоилась и даже отпустила мою руку. Забыла о катастрофе, которая ее так пугала. Теперь, как ей кажется, она вникает в мою.

– А с этой Баби вы потом когда-нибудь еще разговаривали?

– Нет. Изредка я разговаривал с братом, реже – с отцом. Но не часто: звонки из Нью-Йорка стоят кучу денег.

– Вы чувствовали себя одиноким?

Отвечаю ей что-то неопределенное. Трудно сказать: я чувствовал себя менее одиноким, чем в Риме. Потом, естественно, упоминаю о маме. Я рассказываю о ней, и мне приятно видеть, что эта история оскорбляет жизненные принципы дамы. Моя мать предала отца, я застукал ее с мужиком, жившим напротив. Ей не хочется в это верить. После этой новости она полностью оправилась. Самолет? Она даже за-

была, что летит на самолете. Задает мне кучу вопросов... Я иногда даже не успеваю отвечать. Почему людям так нравится копаться в чужих делах, вникать в пикантные подробности, в разные неприличные детали, в не всегда понятные поступки, получать удовольствие от чужих грехов? Может быть, потому, что, если ты только слушаешь, грязь на тебя не попадает. Кажется, дама наслаждается моими рассказами и переживает. Трудно понять, искренне ли. Но мне это и не важно. Я спокойно все ей выкладываю: как я расправился с любовником матери, как я молчал дома и ничего не рассказал ни отцу, ни брату. Потом о суде. Как моя мать сидела напротив меня и молчала. Так и не хватило ей мужества признаться в том, что она сделала. Она не созналась в своем предательстве, а ведь это оправдало бы мой поступок. И я сидел себе спокойно, и мне стало почти весело, когда судья обвинил меня в столь естественном поступке: избиении подонка, осквернившего лоно женщины, которая произвела меня на свет.

Дама уставилась на меня, раскрыв рот.

– Синьора, знаете ли, это можно выразить массой других способов... Но одно дело – когда это шутка, как, например, когда Бениньи напрыгивал сзади на Карру¹. А здесь речь о моей матери.

¹ Роберто Бениньи-итальянский режиссер и комик, Раффаэлла Карра-певица. Речь идет об одном шоу, в котором участвовали Бениньи и Карра: Бениньи делает недвусмысленные движения.

Разницу синьора понимает. Неожиданно она снова становится серьезной. Наступает молчание. Тогда я пытаюсь снизить драматичность.

– Как сказал бы Полло, от «Beautiful»² меня понос пробегает!

Вместо того, чтобы возмутиться, дама смеется: мы стали единомышленниками.

– А дальше что? – спрашивает она: ей не терпится услышать продолжение сериала.

И тогда я спокойно, без эмоций, продолжаю свой рассказ. Я объясняю ей, почему хотел уехать в Америку: я хотел спрятаться там на курсах графики.

– И поскольку даже в большом городе можно случайно встретиться, лучше совсем оттуда убраться. Начать новую жизнь, встретить новых людей, и главное – никаких воспоминаний. Первый год был мучительным: как трудно было говорить по-английски, хорошо, если случайно встречался итальянец, который мог помочь. Все очень интересно, жизнь, наполненная красками, музыкой, звуками, движением, праздниками, событиями. Все вокруг шумит, не затихая. Ни в одном разговоре не звучало ее имя, ни одного намека Баби. В те бессмысленные дни сердце отдыхало, и душа и мозги тоже. Баби. И невозможно вернуться к прошлому,

² «The Bold and the Beautiful» – американская «мыльная опера», впервые вышедшая в эфир на канале CBS в 1987 году и снимающаяся до сих пор. В Италии идет уже два десятка лет под названием «Beautiful», в российском прокате – «Дерзкие и красивые».

оказаться под ее окнами, встретить случайно на улице. Баби. В Нью-Йорке – ни малейшей опасности... В Нью-Йорке не звучит песня Баттисти: «И если вдруг я вспомню о тебе, просто подумаю, что тебя нет, и незачем страдать, потому что знаю, я знаю точно: ты не вернешься»³. И не нужны лицемерные уловки, чтобы не оказаться в местах, где она тоже бывает. Баби.

Дама улыбается.

– Я тоже знаю эту песню. – И она напевает что-то невразумительное.

– Да-да, именно эта.

Я пытаюсь прервать этот концерт самодеятельности. Меня спасает самолет. Тр-р-р. Сухой, металлический звук. Резкий рывок – и самолет слегка встряхивает.

– О Боже, что это? – синьора наваливается на мою правую, единственную свободную руку.

– Это шасси, не волнуйтесь.

– Да как же не волноваться! Это они так шумят? Такое впечатление, что они отвалились.

Невдалеке стюардесса и другие члены экипажа садятся на свободные места и на какие-то странные боковые сидения рядом с выходом. Я ищу глазами Еву, нахожу ее, но она больше не смотрит в мою сторону. Синьора пытается отвлечься самостоятельно. Ей это удастся. Она отпускает мою руку в обмен на последний вопрос.

³ Песня Лучо Баттисти «Я буду жить без тебя».

– Почему у вас все закончилось?

– Потому что Баби нашла другого.

– Да как же так? Она же была вашей девушкой? После всего, что вы мне рассказали?

Похоже она получает удовольствие, вставляя мне в рану палец. Приземление отошло на задний план. Дама забрасывает меня вопросами до последнего момента и даже в запальчивости переходит на «ты». И заходит еще дальше.

– С тех пор, как вы расстались, ты занимался любовью с какой-нибудь другой женщиной? – И новая пикирующая бомбардировка: – Вы бы смогли начать сначала?

Я переживаю этот шквальный огонь.

– А простить ты мог бы? Ты об этом говорил с кем-нибудь?

То ли от пива, то ли от ее настойчивых вопросов у меня закружилась голова. А может, это от любви, которую мне никак не забыть. Я уже ничего не понимаю. Слышу только барабанную дробь мотора и характерный звук турбины перед заходом на посадку. А-а! У меня идея, я знаю, как спастись от этого допроса...

– Смотрите, огни посадочной полосы. Мы, похоже, не успеем приземлиться, – говорю я со смехом, снова чувствуя себя хозяином положения.

– О Боже, правда, вот они...

Она в ужасе прилипает к иллюминатору: смотрит на самолет и крылья: они почти касаются земли и неуверенно дро-

жат. Легким движением старой пантеры она хватает на лету мою правую руку. Снова смотрит в иллюминатор. В следующий миг она вжимается затылком в подголовник и изо всех сил упирается ступнями в пол, будто хочет сама затормозить ногами. В мою руку вонзаются ее ногти.

Мягкий рывок, самолет касается земли. Турбины сразу же начинают вращаться в противоположном направлении, громадная стальная масса дрожит всеми своими креслами, кресло моей соседки – не исключение. Та держится до конца. Крепко зажмурившись, она вцепилась в мою руку и дрожит.

Командир корабля объявляет, что мы приземлились в римском аэропорту Фьюмичино.

– Температура за бортом...

В задних рядах сделали скромную попытку поаплодировать, но сразу затихли: этот обычай постепенно уходит в прошлое.

– Ну вот, все прошло нормально.

Синьора облегченно вздыхает:

– Слава Богу!

– Может быть, еще увидимся.

– Да, мне было очень приятно поговорить с тобой. А все, что ты мне рассказывал, – это правда?

– Это такая же правда, как и то, что вы чуть не оторвали мне руку.

Я показываю ей правую руку и следы от ногтей.

– Ой, простите меня.

– Да ничего.

– Покажите-ка.

– Да нет, серьезно, ничего страшного.

В салоне один за другим начинают звонить мобильники. Пассажиры улыбаются и принимают умиротворенный вид, как это обычно бывает после посадки. Многие открывают верхние полки и вынимают пакеты с подарками из Америки: более или менее бесполезными вещами; потом выстраиваются в проходе, надеясь выйти побыстрее. После стольких часов неподвижности, когда, сидя в своих креслах, ничего не остается, как подводить итоги прожитых лет, можно снова вернуться к суетливой жизни, когда некогда думать, когда принимаются неправильные решения, – вернуться к последнему рывку перед финишем.

– До свидания.

– Спасибо, удачного дня.

Более или менее симпатичные стюардессы выстроились у выхода из самолета. Ева с профессиональной улыбкой прощается с пассажирами.

– Спасибо за пиво.

– Это моя работа, – она улыбается мне более естественной улыбкой. А может, мне так кажется.

– Если у тебя будут проблемы... – Я протягиваю ей карточку.

Она смотрит на нее в нерешительности: там мой римский телефон.

– Эта карточка – мой экзамен на курсах по графике.

– Хорошо сдал?

– Все остались очень довольны. Им показалась гениальной моя идея поделить ее на две части: белую и голубую.

– Очень мило.

Она кладет карточку себе в карман. Я не решился сказать ей, что я из Лация, и начал спускаться по трапу.

Мягкий сентябрьский ветерок. Солнце восходит, всего лишь половина девятого. Идеальное время для прибытия. Приятно снова стучать ногами по земле после восьмичасового перелета. Садимся в автобус. Оглядываю своих попутчиков.

Несколько китайцев, толстый американец, молодой парень, который непрерывно слушает свой Samsung YP-T7x в 512 МБ, я много таких видел в Нью-Йорке. Две подруги возвращаются из отпуска: они не разговаривают друг с другом, наверное, устали от долгого совместного путешествия. Влюбленная парочка. Они смеются, все время переговариваются, шутят. Я завидую им или, лучше сказать, мне нравится смотреть на них.

Ко мне подходит моя соседка, пухленькая дамочка, которая теперь знает о моей жизни все. Смотрит на меня с улыбкой, будто говорит: «Ну вот, все прошло хорошо, не так ли?». Я киваю. Немного раскaiваюсь, что столько ей рассказал. Потом успокаиваюсь: ведь я ее больше никогда не увижу.

Проверка паспортов. Несколько овчарок на поводке нерв-

но прохаживаются взад-вперед в поисках кокаина или травки. Собаки с добрыми глазами недовольно осматривают нас всех по очереди, они готовы на многое, лишь бы их оставили на этой работе. Полицейский рассеянно листает мой паспорт. Потом передумывает, возвращается на пропущенную страницу, снова внимательно ее просматривает. Сердце мое начинает стучать быстрее. Все в порядке. Я ему не интересен. Меня это развеселило, я забираю паспорт и кладу в карман. Забираю свой багаж. Я свободен, выхожу, я снова в Риме.

Я пробыл в Нью-Йорке два года, а такое впечатление, что уехал вчера. Быстро иду к выходу. Натыкаюсь на людей, катящих чемоданы; какой-то тип, запыхавшись, бежит на посадку, наверное, опаздывает на рейс. По ту сторону ограждения чьи-то родители ждут детей, а те еще не прилетели. Красивые девушки с остатками летнего загара ждут своих любимых или тех, кто ими когда-то был. Скрестив руки на груди, прогуливаясь или стоя на месте, с взволнованным или спокойным взглядом – так или иначе они ждут.

– Такси, вам нужно такси? – «левый» таксист бежит прямо на меня, притворяясь честным. – Я с вас недорого возьму.

Я не отвечаю. Он понимает, что со мной дело не выгорит, и отстает. Осматриваюсь. Красивая, элегантная женщина в светлом костюме и с легкими золотыми украшениями на шее спокойно наблюдает за моим передвижением. Красивая. Улыбаюсь ей. Она кивает, и в этом незначительном кив-

ке скрыто все: изменить?.. я бы не прочь, но не могу, вот бы стать свободной! Потом отводит взгляд: она передумала.

Я продолжаю оглядываться по сторонам. Все как обычно. Какой дурак. Конечно же. Чего ты ожидал? Ты ищешь кого-то? И вот для этого ты вернулся? Значит, ты так ничего и не понял, ты еще ничего не понял. Мне смешно, какой же я кретин.

– Он должен бы уже прилететь...

Спрятавшись за колонной, она не произносит ни слова, но сердце стучит, она мысленно говорит сама с собой. Может быть, чтобы заглушить стук сердца, готовое вырваться из груди. Потом набирается мужества. Делает глубокий вдох и медленно выглядывает из-за колонны.

«Вот он. Я знала, я так и знала!»

Она чуть не выпрыгивает из укрытия.

«Я просто не верю... Стэп. Я знала, я знала, была уверена, что он сегодня возвращается. Поверить не могу. Мамочка, как же он похудел. Но все же улыбается. Да, кажется, он в форме. Может быть, даже счастлив? Может быть, ему там даже было классно. Да что же это я такая дура? Я что, ревную? Да какое я имею право? Никакого... ну и что? Мама дорогая, что же я делаю? Seriously, я больна, просто больна. То есть я счастлива. Он вернулся. Поверить не могу. О Боже, он смотрит на меня!»

Она снова прячется за колонну. Вздыхает. Сильно зажмуривает глаза. Головой прислоняется к холодному бело-

му мрамору, руки прижаты к колонне. Замерла. Глубокий вздох. Уфффффф. Выдох... Фьюююююю. Вдох... Она открывает глаза. Мимо проходит турист, смотрит на нее в недоумении. Она ему улыбается, как бы давая понять, что с ней все в порядке. Но это неправда. Это очевидно.

«Вот черт, он меня видел, я чувствую это. О Боже, Стэп меня заметил, я знаю.»

Она снова выглядывает из-за колонны. Стэп проходит мимо, как ни в чем не бывало.

«Да нет же, ну и дура. Да если бы даже и заметил...»

Ну, вот и я. Я вернулся. Это Рим. Точнее, Фьюмичино. Иду к выходу. Прохожу через стеклянные двери и выхожу на улицу Вереница такси. Но именно в эту минуту у меня появляется странное чувство. Мне кажется, что кто-то наблюдает за мной. Резко останавливаюсь. Да нет, все в порядке. Хуже нет, когда ждешь чего-то особенного... А ничего не происходит.

2

Восход окрасил в оранжевый цвет редкие облака, разбросанные по небу. Побледневшая луна прячется за покрытые листвой ветки. Вдали слышны нервные звуки трассы. Из какого-то окна доносится музыка, медленная и приятная. Теперь фортепьяно звучит заметно лучше. Все тот же па-

рень, только повзрослевший, снова готовится к экзаменам по специальности. Внизу при свете луны белеют линии теннисного корта, а бассейн со спущенной водой грустно ожидает следующего лета. И так – каждый год. Как обычно, зануда-служащий слил воду слишком рано. На втором этаже многоквартирного дома среди ухоженных растений и поднятых деревянных жалюзи слышен смех девушки.

– Даниела, ты повесишь когда-нибудь трубку? У вас же есть мобильники, отец кладет вам деньги чуть ли не каждый день! Что вы виснете на домашнем?

– Ты же знаешь, мам, здесь не берет! Связь только в гостиной, а там вы вечно сидите и слушаете!

– Мы вообще-то живем в этом доме!

– Ладно, мама. Я с Джули говорю. Сейчас доскажу кое-что и повешу.

– Да вы же весь день в школе вместе были. Что там такое случилось с тех пор? А? Что тебе такое срочное надо ей рассказать?

Даниела рукой закрывает трубку.

– Слушай, даже если это всего лишь глупость, я бы сама хотела решать, говорить мне ее кому-то или нет, ясно?

Даниела поворачивается спиной к Раффаэлле, думая, что так будет понятнее, что правда на ее стороне. Мать пожимает плечами и отходит. Даниела краешком глаза видит, что осталась одна.

– Джули, слышала? Мне надо вешать трубку.

– Ну так на чем мы остановились?

– Что там и встретимся.

– Да я не про это!

– Слушай, я все решила, – Даниела в волнении оглядывается. – Сейчас, когда все торчат дома, не самый подходящий момент говорить об этом!

– Но Дани, это слишком важно! Нельзя же решать это так... на ходу!

– Слушай, давай поговорим прямо на вечеринке!

– Ну ладно, как хочешь. Тогда встречаемся через сорок пять минут. Успеешь?

– Нет, давай хоть через час пятнадцать!

– О'кей, пока.

Дани вешает трубку. Какой же Джули бывает невыносимой. Она что, не понимает, что ей нужно на полчаса больше? Я должна классно выглядеть, просто супер. В жизни не так уж часто выпадает такой вечер, и к нему надо подготовиться. Она смеется про себя: даже наоборот, такого больше не случится никогда. Обычно «это» происходит, когда ты меньше всего ждешь. Она идет в свою комнату и впервые не знает, какое надеть белье. Она чувствует себя необычно – до странности неуверенной в себе. Потом успокаивается. Это естественно – так себя чувствовать: никто не знает, как все будет, когда тебе предстоит впервые заняться любовью. Она глубоко вздыхает. Правда.

Единственное, в чем она уверена: это случится сегодня

вечером, и с ним. Именно в эту минуту она сталкивается в коридоре с Раффаэллой.

– Даниела, можно узнать, о чем ты сейчас думаешь?

– Да ни о чем, мама... о всякой ерунде.

– Если это ерунда, думай о чем-нибудь поважнее!

В какой-то миг Даниелу распирает желание рассказать ей обо всем. О своем важном и, главное, бесповоротном решении. Но она сдерживает порыв. Она понимает, что тут ей и придет конец.

– Конечно, мама, ты права.

Не стоит с ней спорить. Они улыбаются друг другу. Затем Раффаэлла смотрит на часы в столовой.

– Ну, что ты скажешь? Просила ведь отца приехать до нашего отъезда к Пентести, а они живут в Ольджата. Ни разу в жизни не сделает мне приятно...

3

– Стефано!

Прямо передо мной, посередине улицы, стоит мой брат.

Я улыбаюсь.

– Привет, Па.

Мне очень приятно снова его видеть. Я просто в восторге, но мне удастся этого не показать.

– Ну как ты? Представить себе не можешь, сколько я думал о тебе.

Он крепко меня обнимает. Изю всех сил сжимает в объятиях. Мне это приятно. На минуту вспоминаю последнее Рождество, что мы провели вместе. Перед моим отъездом. И ту пасту, которую он приготовил и которая, как он думал, мне не понравилась...

– Ну, как ты, развлекся в далекой Америке?

Он берет у меня сумку. Естественно, ту, что полегче.

– Да, там было классно, в далекой Америке. Кстати, а почему в далекой?

– Ну, так принято говорить.

Мой брат знает, как принято говорить. Конечно, времена изменились. Он смотрит на меня счастливым взглядом и улыбается. Он искренне рад. Он по-настоящему любит меня. Хотя мы с ним совершенно разные. Он напоминает мне Джонни Стеккино.

– Слушай, что ты смеешься?

– Да так просто.

Я смотрю на него внимательнее. Подтянутый такой, в новой свежей рубашке, легкие темно-коричневые брюки с отворотом внизу, пиджак в клеточку и наконец...

– Эй, Паоло, а где твой галстук?

– Да я летом его не ношу. А что, так плохо? – Не дожидаясь ответа, он делает жест рукой: – Вот мы и пришли. Смотри, что я себе купил... Он показывает на предмет своей гордости: – «Ауди 4», последняя модель. Нравится?

Как при виде такого восторга сказать, что нет?

– Красота, классная штука.

Он нажимает на кнопку брелока, который держит в руке. Раздаются два всхлипа, дважды мигают фары, и все гаснет. Паоло открывает багажник. – Давай сюда сумки.

Кидаю туда две американские сумки вдобавок к той маленькой, которую он уже аккуратно положил на дно.

– Только не гони... – и тут мне в голову приходит идея. – Дай мне попробовать?

Он смотрит на меня. Выражение его лица меняется. Сердце замирает. Но братская любовь одержала верх.

– Конечно, держи.

Он натянуто улыбается и бросает мне ключи с пультом. Сумасшедший. Не дай Бог иметь такого брата, как я. Тем более, когда он просит проехаться на такой новенькой «Ауди 4» Я усаживаюсь за руль. В салоне – запах новой машины, она само совершенство, разве что немного узковата. Загорается панель, я завожу мотор.

– Она легко идет.

– Знаешь, она еще на обкатке...

Он смотрит на меня с беспокойством и пристегивается. А мне, возможно, из-за того, что наконец-то я вернулся в Рим, хочется кричать от радости; а может быть, мне просто хочется сбросить с плеч эти два года молчания; и я со всей злости, накопившейся вдали от родины, давлю на газ. Машина срысывается с места.

«Ауди 4» виляет задницей, встаёт на дыбы, ревет, шины

шуршат по горячему асфальту. Паоло вцепился обеими руками в ручку над окошком.

— Ну вот, я так и знал, так и знал! Ну почему с тобой вечно одна и та же история?

— О чем ты? Я ведь только что сел за руль.

— Я имею в виду, что с тобой никогда нельзя быть спокойным!

— Хорошо. — Я уменьшаю скорость, сворачиваю с дороги и еще немного играю с рулем, почти касаясь крылом дорожного ограждения. — Ну, успокоился?

Паоло усаживается поудобнее на сиденье и снимает пиджак.

— С тобой никогда нельзя быть спокойным.

— Да ладно тебе, ты ведь знаешь, я прикалывался. Не волнуйся, я изменился.

— Еще изменился? И насколько же?

— Этого я пока не знаю, вот — вернулся в Рим проверить.

Мы молчим.

— Курить здесь можно?

— Я бы не хотел.

Вставляю сигарету в рот и нажимаю на прикуриватель.

— Что ты делаешь, я же сказал...

— Твое «Я бы не хотел» все испортило.

— Вот видишь... ты изменился. К худшему.

Смотрю на него с улыбкой. Я его люблю. Он-то, кажется, всерьез изменился: выглядит более зрелым, настоящий муж-

чина. Прикуриваю «Мальборо медиум» и протягиваю сигареты ему.

– Нет, спасибо, – он чуть приоткрывает окошечко. Снова улыбается. – А знаешь, я тут встречаюсь с одной.

Мой брат старше меня на семь лет. Невероятно, но иногда он выглядит мальчишкой, когда рассказывает о приятных вещах. Я решаю ободрить его.

– Ну и как она, симпатичная?

– Симпатичная? Да она красотка! Высокая, блондинка, ты ее, наверное, знаешь: ее зовут Фабиола, занимается интерьерами. Она любит ходить только в изысканные места, у нее столько вкуса...

– Ага, понятно, ну конечно.

– Ну, ладно, ладно. Не остри тупым концом. Так она обычно говорит.

– Немного двусмысленно, тебе не кажется? Ей надо бы поосторожнее с такой фразочкой. В общем, теперь мне понятно, почему вы вместе.

– Ну да, у нас один настрой.

Один настрой. Ну что тут скажешь. Настрой может быть только у музыкальных инструментов. Или еще хуже – в психиатрии. А любовь – это когда дух захватывает, когда ни о чем не думаешь, когда ты скучаешь, если ее долго не видишь, когда, даже если никакого настроения нет, все равно классно, когда сходишь с ума... Когда при одной лишь мысли, что она может идти рядом с другим, ты готов одним махом пе-

реплыть океан.

– Это важно, что у вас совпадает настрой. Ну и... – я думаю, что бы еще такое сказать. – Фабиола – красивое имя.

Очень банальная концовка. Но ничего лучше я не придумал. В глубине души мне фиолетово, но если бы я сказал, что имя это дерьмовое, Паоло бы огорчился. Для него очень важно мнение окружающих. Это самая большая фигня, какая только может быть. Окружающие-это кто? А наши родители – это что, тоже окружающие?

Он почти угадывает мои мысли:

– Знаешь, а у отца тоже есть кое-кто.

– Как я могу знать, если мне об этом никто не говорил?

– Моника – красивая тетка. Ей пятьдесят лет, но выглядит моложе. Она у него весь дом перетряхнула: выбросила кучу старья, обновила его полностью.

– И отца тоже?

Паоло хохочет как ненормальный:

– Ну это уж слишком!

Моего брата может привести в восторг любая фигня. Неужели он и раньше был таким? Когда возвращаешься после долгого отсутствия, все кажется немного другим.

– Они живут вместе, ты должен с ней познакомиться.

Должен. Что значит – должен? Я резко выворачиваю руль, пытаюсь объехать типа, который маячит передо мной. Да двигай же попой! Я мигаю ему фарами, все без толку. Газую, притормаживаю. Резко пытаюсь объехать его справа.

Паоло упирается ногами в пол и хватается за подлокотник между нами. Я возвращаюсь в левый ряд и успокаиваю его.

– Все нормально. В Америке такое не выкинешь: там каждый миллиметр под контролем.

– Поэтому ты и вернулся сюда, чтобы оттянуться на моей машине, да?

– Как мама?

– Хорошо.

– Что значит «хорошо»?

– А что значит – «как мама»?

– Как же ты все усложняешь. Она успокоилась? У нее есть кто-нибудь? Ты ей звонишь? Она общается с отцом?

Мне никак не задать последний вопрос: она спрашивала обо мне?

– Она часто меня о тебе спрашивала, – он ответил только на этот вопрос. – Она хотела знать, звонил ли ты из Нью-Йорка, как у тебя дела на курсах и так далее.

– И что ты сказал?

– То небольшое, что знал. Что на курсах все нормально, что, как ни странно, ты пока ни с кем не подрался, и еще немного насочинял.

– Что, например?

– Что у тебя там девушка, правда, итальянка. Если бы я сказал, что американка, она бы сразу поняла, что это лажа, – вы бы не смогли и парой слов перекинуться.

– Ха-ха, предупреждай, когда надо смеяться, это очеред-

ная острота?

– Еще я сказал, что ты там развлекаешься по вечерам, но никаких наркотиков. Зато множество друзей. В общем, что ты не собираешься возвращаться и тебе там по кайфу. Ну как, всё правда?

– Более или менее.

– То есть?

– У меня там были две американочки, и мы прекрасно ладили.

Он не успевает рассмеяться: я уменьшаю скорость и съезжаю с объездной направо. Еще раз притормаживаю на повороте, колеса скрипят, за моей спиной гудит какая-то старая тачка, я продолжаю съезжать как ни в чем не бывало и выруливаю на развязку. Паоло усаживается поудобнее. Достает с заднего сиденья пиджак. Пытается что-то сказать.

– Ты не показал поворот.

– Угу.

Едем молча. Паоло долго смотрит в окно, потом поворачивается ко мне, пытаюсь привлечь мое внимание.

– Ну что еще?

– Как тогда закончился суд?

– Меня оправдали.

– То есть?

Он удивленно смотрит на меня.

Поворачиваюсь и заглядываю ему в глаза. Он молчит. Смотрит на меня спокойным взглядом. Не думаю, что он

притворяется. Или он прекрасный актер. Паоло – хороший брат, но среди его гипотетических достоинств нет ни одного паразитического. Я смотрю на дорогу.

– Ничего особенного: меня оправдали и все.

– Как это? Объясни толком.

– Ты что, не знаешь, как это делается? Как и с амнистией на налоги или строительство, когда она проводится специально перед выборами. Тут та же история о преступниках, вроде меня, забывают, зато президент запоминается.

Паоло улыбается.

– Знаешь, я давно задаю себе вопрос, почему ты уделал того типа, что жил напротив нас.

– Трудно, наверное: вопрос задаешь, а ответа все нет?

– Ну, меня отвлекали кое-какие другие дела.

– В Америке ты бы и дня не продержался. Там нет времени задавать себе вопросы.

– Но я-то жил в Риме, и между аперитивом и капучино задумывался об этом. И даже пришел к одному заключению.

– Вот это да! И к какому же?

– Что наш сосед каким-то образом надоедал маме: может быть, приставал или шутил как-то непристойно. Ты об этом узнал и бах-бах! Отправил его в больницу...

Я молчу. Паоло смотрит на меня в упор. Мне хочется уклониться от его взгляда.

– Но кое-чего я не понимаю, никак не могу въехать... Извини, но мама же была на суде и ничего не сказала, ну, как

все было: что там такого этот тип ей говорил, в общем, почему ты так себя повел. Если б она рассказала что-нибудь, судья, может быть, что-то понял.

Паоло. Что он знает, Паоло. Бросаю на него взгляд, потом снова смотрю перед собой. На дороге, под колесами «Ауди 4» мелькают белые штрихи разделительной полосы. Один за другим, изредка чуть стертые. Слышен гул автострады. Вжи-их. «Ауди 4» приподнимается и опускается при подъемах. Чувствуется каждый стык на дороге, но это не надоедает. Нужно ли сказать ему правду? Открыть одному человеку глаза на другого? Паоло любит маму такой, какая она есть. Он любит ее такой, какой ее видит. Или хочет видеть.

– Паоло, а почему ты об этом спрашиваешь?

– Да так, хочу знать...

– Что-то не сходится?

– В общем, да.

– А ведь это кошмар для тебя как коммерсанта.

Джованни Амброзини-так звали нашего соседа, я узнал это только на суде. Хотя нет, его фамилию я узнал раньше. Когда я позвонил в его дверь, фамилия была написана над звонком. Он открыл, он был в трусах. Как только он меня увидел, сразу прикрыл дверь. Я пришел просто поговорить. Попросить его сделать потише музыку. И вдруг сердце екнуло. В тот миг, пока дверь была открыта, я увидел в щели ее лицо. И наши взгляды, встретившись, навсегда разошлись. Я никогда этого не забуду. Она была обнаженной, такой я не

видел ее никогда. Она была красивой, такой я ее всегда любил... Моя мама. В постели чужого мужчины. Я помню сигарету у нее во рту. И ее взгляд. Как будто она хотела сжечь все дотла, и будто она хотела сказать: вот, мой мальчик, смотри, это жизнь, это и есть настоящая жизнь...

У меня до сих пор вскипает кровь при этом воспоминании. Так вот – Джованни Амброзини. Я схватил его за волосы и вытащил на лестницу. Он упал. Я разбил ему о ступени обе челюсти, ударив по затылку. Он цеплялся за лестничные перила, а я бил его башмаком в ухо, в лицо, по ребрам, давил каблуком пальцы, пока те не превратились в кашу. Пальцы, которые к ней прикасались.

Ну все, все, хватит, прошу тебя. Иначе не выдержишь. И ты всю жизнь будешь это помнить. Всю жизнь. Я смотрю на Паоло. Делаю глубокий вдох. Спокойно. Еще глубже. Спокойно. Наври что-нибудь.

– К сожалению, Паоло, не всегда все концы сходятся. Тот чудило меня достал, вот и все. Представь себе, мама тут ни причем.

Похоже, он рад. Ему приятно слышать эту версию. Он устоялся в лобовое стекло.

– Ой, я забыл тебе кое-что сказать.

Смотрю на него с беспокойством.

– Что еще?

– Я переехал. Живу по-прежнему в Фарнезине, но теперь у меня квартира с аттиком.

Наконец-то позитивная новость.

– Хорошая?

– Просто супер. Тебе надо ее увидеть. Сегодня ночуешь у меня, идет? Номер телефона тот же. У меня друг в «Телекоме», он помог перевести номер на новый адрес.

Он улыбается, наслаждаясь этим своим мелким могуществом. Черт, как же я об этом не подумал! Слава Богу, что у него тот же телефон, он же у меня на визитке. Той, что я дал стюардессе. Еве, кнелъке.

Улыбаюсь про себя.

Корсо Франча, Винья Стеллутти, дальше – площадь Дельфийских Игр Еду мимо улицы Колаянни, дальше – площадь Джачини. У светофора неожиданно тормозит мопед. Девушка. О Боже. Это она. Длинные светло-пепельные волосы выбиваются из-под шлема. Она теперь еще носит и кепку с козырьком. На ней – голубая курточка, точь-в-точь под цвет ее глаз, голубой i-pod. Да, похоже, она... Притормаживаю. Она раскачивает головой в такт музыке и улыбается. Останавливаю. Она трогается. Пропускаю ее. Она весело объезжает нашу машину. Благодарит меня кивком... сердце мое бешено стучит. Нет, не она. Но меня охватывают воспоминания. Как если бы ты стоял в море ранним холодным утром и кто-то тебя окликнул. Ты оглядываешься, здороваешься. Но когда оборачиваешься обратно и хочешь идти дальше, на тебя вдруг набегает волна. И вот я снова, против своей воли, оказываюсь в том месте, где я стоял два года назад, как потер-

певший кораблекрушение. Ее предки уехали за город. Она мне позвонила и пригласила к себе. Поднимаюсь по лестнице. Дверь не заперта. Она оставила ее приоткрытой. Медленно вхожу.

– Баби, ты здесь? Баби...

Тишина. Закрываю дверь. Иду на цыпочках по коридору. Дохожу до спален. Из родительской едва слышна музыка. Странно, ведь она сказала, что предки уехали в Чирчео. Дверь полуоткрыта, за ней – слабый свет.

Подхожу ближе. Открываю дверь. И прямо у окна вижу ее, Баби. На ней – одежда матери: длинная кашемировая юбка с рисунком, прозрачная шелковая блузка песочного цвета расстегнута. Под ней виден бюстгальтер кремового цвета. Волосы заплетены во множество косичек. Баби кажется немного старше. Ей хочется выглядеть старше.

Она мне улыбается. В руке у нее – бокал, наполненный шампанским. Второй она наливает мне. Бутылку ставит в ведерко, наполненное льдом, стоящее на тумбочке. Вокруг горят свечи, и нас постепенно окутывает запах дикой розы. Она ставит ногу на кресло. Юбка распахивается, теперь виден ее высокий ботинок и нога, обтянутая тонким, медового цвета чулком в сеточку, на резинке. Баби выжидающе смотрит на меня, держа в руках два бокала, взгляд ее неожиданно меняется. Как будто она в один миг стала взрослой.

– Возьми меня, как будто бы я – это та... Та, которая тебя не хочет, та, которая каждый день изводит тебя, стараясь нас

разлучить.

Она протягивает мне бокал. Я одним махом выпиваю шампанское. Холодное, вкусное, великолепное. И целую ее со всей силой своего желания. Наши языки пахнут шампанским, они еле двигаются, усыпленные, опьяневшие... И вдруг они оживляются. Я провожу рукой по ее волосам и запутываюсь в заплетенных косичках. И держу ее голову в руках, она моя, вся моя... ее поцелуи становятся настойчивее. Она полностью овладела моими губами, такое ощущение, что она хочет проникнуть внутрь меня, проглотить меня, добраться до самого сердца. Но что ты делаешь? Остановись, оно уже и так твое.

Баби отрывается от меня и смотрит мне в глаза. Она и вправду похожа на свою мать. И мне страшно от ее напористости, я впервые вижу ее в таком состоянии. Она берет мою руку, приподнимает сбоку юбку и проводит ею... ведет ее выше и выше... по ноге. Откидывает голову назад. Глаза закрыты. На губах играет улыбка. Я ясно слышу ее громкий вздох. Она ведет мою руку все выше и выше. Медленно, медленно подводит ее к трусикам.

Вот они. Она медленно сдвигает их, и я пальцами попадаю прямо в нее. Баби вздыхает еще громче. Она расстегивает мне брюки и полная нетерпения, быстро их стягивает, я никогда ее прежде такой не видел. И нежно находит его. И замирает. Смотрит мне прямо в глаза. И улыбается. Лижет мне губы. Кусает меня. Она голодна. Она хочет меня. Она

опирается о стенку, толкает меня, упираясь лбом в мой лоб, улыбается, выпускает вздохи, начинает ласкать меня рукой по всему телу, и ее голодные глаза теряются в моих... Потом снимает трусики, дарит мне последний легкий поцелуй и нежно гладит меня под подбородком. Задрав юбку, встает на кровати на четвереньки. Переворачивается на спину и поднимает ко мне лицо.

– Стэп, прошу тебя, возьми меня силой, как если бы я была моей матерью, сделай мне больно... Прошу тебя, клянусь, я так хочу.

Это невероятно. Но я так и делаю. Я повинуюсь, и она начинает кричать, как никогда прежде, а я почти теряю сознание от удовольствия, от желания, от абсурдности всей этой ситуации, от любви, о которой я и мечтать не мог. Я все еще закипаю от удовольствия, вспоминая это, я закипаю...

– Эй, Стэп!

– Да?

Внезапно я очнулся. Рядом Паоло.

– Что с тобой? Ты встал посреди дороги.

– А?

– Вот теперь ты меня действительно удивляешь. Мы такие вежливые стали? Ни разу не видел, чтобы ты так делал: уступил дорогу девчонке, которая, к тому же, не права. Невероятно. Или Америка так на тебя подействовала, или ты и вправду поменялся. Или...

– Или?

– Или эта девчонка кого-то тебе напомнила. – Паоло поворачивается ко мне и смотрит в упор.

– Эй, не забывай, что ты – мой брат.

– Вот именно. Именно это меня и беспокоит... Это я составил, если ты не понял.

Паоло смеется. Я трогаюсь, стараясь совладать с собой. Мне это удастся. Делаю глубокий вдох. Еще глубже. Как же больно сознавать, что эта волна будет накатывать на меня до конца жизни.

4

«BMW Z4»-классная машина. Не знаю, что бы я отдал за такую. Клаудио Джервази едет мимо Порта Пинчиана и останавливается перед витриной салона «BMW». Смотрит на нее как ребенок: восторженно, жадно, упрекая судьбу, которая лишила его надежды иметь такую вещь. Если бы Раффаэлла только знала, о чем он мечтает, проблемы ему были бы обеспечены. Если бы она узнала и все остальное-конец, ему крышка. Лучше об этом не думать. Она никогда не узнает. На этой мысли он останавливается, так как уже запарковался напротив входа в салон. Значит, можно бы и войти. Нет ничего плохого в том, что у тебя есть желания. Или это тоже считается грехом перед обществом? Клаудио – мастер аналогии. Так я хоть немного себя займу... Я только спрошу, сколько бы мне дали за мою машину в случае обмена. Мо-

жет, мой старенький «Мерседес» прилично потянет. Конечно, пробег у него ого-го. Но зато он в отличном состоянии, я слежу за ним... Он обходит вокруг машины. Только одна царапинка, – это из-за Баби и Даниелы, вернее, из-за их манеры ставить «Веспу». Ну, посмотрим, что они мне скажут...

Клаудио входит в магазин. Навстречу ему спешит молодой продавец, одет он безукоризненно: красивый голубой галстук, под цвет костюма – прекрасно сидящего пиджака и узких брюк, из-под которых виднеются темные мокасины, довольно простецкие, но начищенные до блеска. Совсем как машина. Вблизи она кажется еще красивее. Небесно-голубого цвета, а салон чуть темнее, и все детали от руля до рычага коробки передачи обтянуты черной мягкой кожей. Глаз не отвести.

– Добрый вечер, я могу вам помочь?

– Да, я хотел бы узнать, сколько стоит эта «BMW». Это ведь «Z4»?

– Конечно, синьор. Максимальная комплектация, полный... четыре подушки безопасности, система курсовой стабилизации, разумеется, резина в комплекте... сейчас посмотрим... Синьор, вам повезло, сегодня у нас проходит акция. Для вас сорок две тысячи евро. Плюс-минус – договоримся.

Разумеется, будет плюс. Но то, что у них скидки, уже неплохо. Продавец улыбается, заметив, что клиент немного разочарован.

– Посмотрите, это же машина Джеймса Бонда.

Клаудио глазам своим не верит.

– Именно эта?

– Ну, нет, конечно! – продавец пытается определить по его глазам, не шутка ли это. – И знаете, почему? Потому что та, из фильма, была «Z3», «BMW» предыдущей серии, и ее уже наверняка отправили на слом или выставили на каком-нибудь аукционе! А эта – круче, такая была в «Двенадцати друзьях Оушена» или в «Одиннадцати», не помню уже. Короче, на ней ездили Джордж Клуни, Мэтт Дэймон, Энди Гарсия, Брэд Питт, а теперь... поедете вы!

Клаудио слабо улыбается.

– Может быть...

Продавец понимает, что перед ним – классический тип «долгоиграющего» покупателя. Но он не знает настоящей правды. Перед мысленным взором Клаудио – беспощадная тень, ужасная голограмма, лазерная проекция, он цепенеет при одной мысли о жене. Парень надеется разогреть потенциального клиента с помощью дополнительной информации. Он кружит вокруг машины, выдавая цифры: скорость, расход топлива, всевозможные рабочие характеристики и, конечно, упоминает гибкие схемы продаж.

– Кстати... – Клаудио цепляется за последнюю фразу, и какая-то надежда звучит в его голосе. – Вы ведь принимаете машины в зачет?

– Конечно, а как же иначе? Хотя в данный момент вто-

ричный рынок не слишком востребован.

Клаудио и не сомневался.

– А вы могли бы взглянуть? Она у меня здесь, на улице.

– Разумеется, пойдемте посмотрим.

Клаудио, в сопровождении продавца, выходит из магазина.

– Вот она.

Он с гордостью показывает свой темно-серый блестящий «Мерседес». Теперь молодой человек серьезен, внимателен и дотошен. Он осматривает машину, иногда касается ее, проверяя, не было ли восстановительных работ, не видных невооруженным взглядом. Клаудио старается его успокоить.

– Я проходил все ТО в срок, недавно вот резину поменял...

Продавец обходит машину и смотрит на другой бок, тот, что поцарапан «Веспой». Клаудио пытается отвлечь его внимание.

– А на прошлой неделе я сделал полный осмотр.

Но такого профессионала не проведешь.

– Ясно... а вот здесь вы не слабо стукнулись!

– Да это дочки. Тысячу раз им говорил: ставьте «Веспу» у стены, все без толку!

Продавец пожимает плечами, как бы говоря: «Ну, это не мои проблемы».

– Короче, ее можно выставить. Потом еще проверим двигатель, механик посмотрит. Ну, и если не будет никаких про-

блем, думаю, вы можете рассчитывать на четыре – четыре с половиной тысячи евро.

– Да? – У Клаудио нет слов. Он надеялся на сумму в два раза больше. – Но ведь она девяносто девятого года.

– Правда? А я-то думал – двухтысячного. В общем, я вам назвал реальную цену, правильно?

Правильно? Ну да, все правильно. Так я тебе и поверил, что это правильно. По-твоему, я вам должен отдать плюс-минус тридцать семь с половиной тысяч евро. Клаудио решает больше не думать об этом.

– Да, ну хорошо.

– Ну, тогда до свидания. Если что, мы всегда на месте.

Молодой продавец энергично пожимает ему руку в уверенности, что более или менее его убедил. Потом протягивает ему листок с информацией по «BMW». Идя к машине, Клаудио рассеянно посмотрел на бумажку. Убедившись, что продавец зашел в магазин и не видит его, он разорвал листок и выбросил в ближайший мусорный ящик. Не хватало только, чтобы Раффаэле попалась эта улика. Он садится в свой «Мерседес». Кладет руки на руль. Милый ты мой, ты же знаешь: я тебя никогда не предаю! Затем вынимает мобильник, смотрит по сторонам и пишет смс. Посылает и, естественно, тут же стирает сообщение. И наконец прикуривает «Мальборо» – это последнее проявление настоящей свободы.

– Ну вот, Стэп, видишь, дом 237. Подожди, я открою ворота. Припаркуйся. Мое место номер шесть, – Паоло ужасно горд. Вынимаем сумки. – Лифт – прямо из гаража.

Это также предмет его гордости. Поднимаемся на шестой этаж. Дверь он открывает, как будто это сейф-сигнализация, два замка, железная дверь, на которой красуется его имя: Паоло Манчини – написано в рамке с золотым ободком. Выглядит ужасно, но я молчу.

– Видел? Я вставил свою визитку в рамку. Там есть и телефон. Неплохо придумано, правда? Что ты улыбаешься? Не нравится?

– Да нет, с чего ты взял? Думаешь, я тебе все время вру? Мне нравится. Вправду нравится, говорю же.

Паоло умиротворенно улыбается и пропускает меня в квартиру.

– Ну заходи, вот смотри...

Внутри неплохо: новый паркет, светлые тона, белые стены.

– Мебели пока маловато. Мне пришлось все тут переделывать. Смотри, я поставил диммеры, и теперь можно регулировать свет, как захочешь, видишь? – Он крутит один: увеличивает и уменьшает свет. – Клево, да?

– Супер.

Я так и стою в дверях с сумками в руках. Паоло сияет от радости, что так здорово все придумал.

– Давай покажу, где ты будешь спать, – он открывает дверь в конце коридора. – Вуаля!

Паоло стоит у открытой двери с широкой улыбкой.

– Э... – должно быть, там какой-то сюрприз. Вхожу.

– Я забрал все твои вещи и привез сюда. Несколько свитеров, маек, худи. И еще смотри... – он показывает на картину, висящую на стене. – Осталась одна картина Андреа Пациенца⁴. Только эту ты не сжег.

Я вспоминаю то Рождество двухгодичной давности. Наверное, он это замечает и ему становится неловко.

– Ну, ладно, я пошел к себе в комнату, а ты устраивайся.

Я кладу сумку на кровать. Открываю «молнию» и медленно вынимаю вещи. Свитера, спортивные куртки. Куртка «Abercrombie». Обесцвеченные джинсы марки «Junya». Светлая худи «Vintage 55». Аккуратно сложенные рубашки «Brooks Brothers». Складываю все в белый шкаф. Там много полок. Раскладываю на них вещи, которые достаю из другой сумки, на дне которой лежит бумажный сверток. Беру его и выхожу из комнаты. Паоло, в своей комнате, лежит, свесив ноги с кровати.

– Держи, – бросаю сверток ему на живот. Он сгибается пополам, как от удара, и сверток падает на кровать.

⁴ Андреа Пациенца (1956–1988) – итальянский график, прославившийся своими комиксами.

– Спасибо, с чего бы это? – он во всем ищет причину.

– Писк американской моды.

Паоло разворачивает бумагу и достает подарок. Он немного смущен.

– Спортивная куртка от «Fire». Там все такие носят.

Ему нравится.

– Примерю!

Он надевает ее прямо на пиджак и смотрится в зеркало. Я едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться.

– Прочная, блин! – это выражение не из его лексикона. Она ему и впрямь понравилась. – Ты точно угадал с размером.

– Носи на здоровье. По цене она потянет на половину твоего дома.

– Что, такая дорогая?

– Да нет, твоя квартира побогаче, да и размер побольше.

– Да, я знаю, Стэп, но...

– Паоло, я же пошутил.

Паоло облегченно вздыхает.

– Нет, серьезно, ты ведь за нее черт знает сколько отдал.

– Ты и представить себе не можешь, сколько я за нее заплатил.

Вот опять из него лезет коммерсант. Я иду в свою комнату. Начинаю раздеваться. Надо бы принять душ. Паоло входит в комнату, на нем по-прежнему надета куртка с болтающимся на воротнике ярлычком, в руках он держит пакет.

– У меня для тебя тоже есть сюрприз, – хочет мне его бросить, но передумывает и просто дает в руки. Кантовать нельзя. Вещь хрупкая.

С любопытством разворачиваю пакет.

– Это тебе на день рождения. – Ему удалось заинтриговать меня. – Это правда тебе на день рождения, который ты провел в Америке. Мы тогда тебя только по телефону смогли поздравить.

– Да, я слышал на автоответчике.

Я продолжаю разворачивать подарок, стараясь не думать о том дне. Но не могу отделаться от воспоминаний. 21 июля... Я нарочно тогда ушел из дома, чтобы не сидеть у телефона в ожидании звонка. Потом, вернувшись домой, увидел мигающий огонек автоответчика. Одно сообщение, два, три, четыре. Четыре сообщения, четыре звонка. Четыре возможности, четыре надежды.

Сначала первое. «Алло, Стефано, это папа... С днем рождения! Ты думал, я не помню?» Отец. Ему обязательно надо поюморить. Нажимаю кнопку и слушаю дальше. «С днем рождения тебя, с днем рождения тебя! Стэп...» Брат. Это мой брат: пропел поздравление в трубку. Вот блин! Остается два сообщения. Следующее, предпоследнее. «Привет, Стефано...» Нет. Это мама. Молча слушаю. Голос ее звучит мягко, может быть, немного устало, он полон любви. Зажмуриваюсь. Сжимаю кулаки. Сдерживаю слезы. Сегодня мой день рождения, мама. Мне хочется веселиться, смеяться.

ся, быть счастливым, мама... Ла, я тоже по тебе скучаю. Я по стольким вещам скучаю... Но сегодня у меня нет никакого желания думать об этом... не хочу. «Еще раз поздравляю, Стефано, и умоляю, звони мне, когда захочешь. Целую».

Итак, осталось еще одно сообщение. Беззвучно мигает зеленый огонек. Я сижу и смотрю на него. Он медленно загорается и гаснет. Этот зеленый огонек мог бы быть самым дорогим подарком в моей жизни. Он мог бы подарить мне ее голос. А вдруг она тоже скучает по мне? На минутку вернуться назад, в прошлое, может, начать сначала... Я мечтаю еще минуту. Потом нажимаю на кнопку. «Привет, пропащий! Ну, как ты там? Как же приятно слышать твой голос, хотя бы по автоответчику! Ты даже не представляешь, как я по тебе скучаю! Рим опустел без тебя. Ты ведь узнаешь меня? Это Паллина. Конечно, мой голос стал чуточку взрослее. Так вот, мне надо рассказать тебе кучу новостей. С чего бы начать? Надо подумать... Я долго могу разговаривать, предки уехали за город, я звоню из дома, потом придет счет, но это как раз классно: они меня тут разозлили. Вот я их и накажу, ха!» Она смешит меня, я рад ее звонку. Слушаю ее, улыбаясь. Но не буду врать, улыбка вымученная. Я ждал не этого звонка. Без того голоса, которого я так жду, день рождения не день рождения. Мне кажется, я даже еще не родился.

Прошло два года, и вот я вернулся.

– Ну, что скажешь, нравится?

Я уже полностью развернул обертку и теперь держу в ру-

ках коробочку.

– Это последняя модель: классная «Nokia».

– Мобильник?

– Супер, да? Берет везде. Прикинь, я достал его через одного друга, в магазинах таких нет еще. Это «семидесятая», в ней есть все, что надо, и она такая маленькая. Умещается в кармане пиджака.

Он кладет его себе в карман, чтобы я убедился, что это правда.

– У тебя и в самом деле продвинутые друзья.

– О-па, видал? Вот так он открывается, а можно убрать звук и поставить вибрацию. Держи.

Он даже не заметил мою шутку. Смотрит на меня выжидающе.

– Спасибо, – это все, что я в состоянии вымолвить. – Мне как раз нужен телефон.

– У тебя и номер уже есть: 335-80-80-80, легко запомнить, да? Это все мой друг из «Телекома».

Он лопається от гордости. За себя и за своих друзей. Теперь у меня есть номер телефона. Я сосчитан. Идентифицирован. Доступен. Наверное.

– Отлично! Но теперь мне бы хотелось принять ДУШ. Кидаю телефон на кровать.

Паоло выходит, качая головой:

– Смотри, будешь так его бросать, он долго не протянет. Ничего тут не поделаешь, это мой брат. Такой зануда! Не

верится, что оба мы родились из одного семени: нашего отца. Хочется так думать, во всяком случае. Включаю радио на тумбочке и настраиваю его. Раздеваясь, посмеиваюсь про себя. Мама родила Паоло от другого. Ну, это уж чересчур. Но тогда все хотя бы было понятно. Да нет, конечно. Тогда были другие времена. Тогда была любовь. Мне нравится эта мелодия. Подпеваю радио.

Я стою у дома Паоло. Мне было видно, как в квартире зажегся свет. Я знаю, что это новый дом его брата. Вот он, вижу. Стэп проходит мимо окна. Значит, это его комната. Да он что, раздевается что ли? И что-то напевает себе под нос. Надеваю наушники. Включаю радио на своем сотовом. Переключаю каналы, пока не нахожу то, что, кажется, напевает Стэп. Что за канал? «Ram power» 102.7. «Живи и помни»⁵. Ну и вкусы у Стэпа... Смотрю на часы. Уже поздно, надо идти домой. Родители меня ждут.

– Паоло, а полотенце у тебя есть?

– Я же положил в ванной. Все разложено по цветам: голубое – для лица, синее – для тела, и голубой халат – за дверь. Да уж, по сравнению с ним Фурио – плохо организованный несмышлениш.

– Эй, Стэп, покажись-ка!

Выхожу в коридор.

⁵ Таков слоган этой музыкальной радиостанции

– Боже, какой красавчик! Ты что, похудел?

– Да, в Америке в спортзалах занимаются по-другому. Куда больше бокса. На первых же встречах я понял, какие же мы все тормозные здесь в Риме.

– А ты реальный...

– С каких это пор ты так выражаешься?

– Я записался в спортзал.

– Ушам своим не верю. Давно пора! Ты же всегда мне зу-
дел: да ты время тратишь в спортзале, да какая разница, ка-
кая у тебя фигура и так далее... А теперь что?

– Это Фабиола меня уговорила.

– Ну вот, видишь! Фабиола мне уже нравится.

– Она говорит, что я много сижу, и что мужчина к трид-
цати трем годам должен быть в полной форме.

– К тридцати трем годам?

– Она так говорит.

– Так ты мог два года еще жить совершенно спокойно.

– Я не хотел подчиняться правилам.

– Фабиола молодец, – я направляюсь в ванную. – И куда
ты записался?

– В «Roman Sport Center».

Пауза. Я снова появляюсь в дверях.

– Это тоже решила Фабиола?

– Нет, – он гордо улыбается, довольный своим выбо-
ром. – Я... ну... в общем, по правде говоря, она уже давно
туда ходит.

— А, вот в чем дело...

Возвращаюсь в ванную и закрываю за собой дверь. Неве-
роятно. Нет ничего хуже, чем ходить в спортзал со своей соб-
ственной девушкой. Вот ты лежишь под штангой и посмат-
риваешь, кто там к ней подошел, что ей говорят, какой-ни-
будь лох начнет показывать ей, как надо правильно делать
движение... и что там она делает, и как она отвечает... Ужас.
Я часто таких вижу. После каждого снаряда — поцелуй. А в
конце тренировки — один и тот же вопрос: «Что будем делать
вечером?».

Потому что, если вы пара, у вас уже все расписано. Это
же ясно, а иначе какая же вы пара? Во дают... А вот если ты
«одиночка», тогда «Roman Sport»-это то, что надо. Мускулы
сами собой работают за двоих, они должны показать себя в
лучшем виде. Тренажеры и штанги только делают вид, что
работают; на самом деле они молча наблюдают, как у них на
глазах заводятся вполне предсказуемые знакомства. Да-да,
потому что, сойдя с очередного тренажера, ребята и девушки
оценивающе смотрят друг на друга, обмениваются улыбками
и начинают говорить ни о чем. Чем занимаешься, где был
вчера, куда сегодня можно сходить, какие планы на вечер,
что завтра делаешь, сколько денег у тебя есть; короче, стоит
ли заводить с тобой роман.

Включаю душ и встаю под холодную струю. Упираюсь ру-
ками в стенку и давя на нее изо всех сил. Мышцы на пле-
чах напрягаются, вода стала теплее. Откидываю голову на-

зад, рот полуоткрыт... И тут вода меняет направление. Бурный поток несется в глаза, извиваясь и скатываясь с носа и попадает в рот, – на зубы и язык Я выплевываю ее, делаю вдох Мой брат. Мой брат ходит в «Roman Sport Center». Мой брат со своей новой «Ауди 4». Мой брат со своей женщиной. Мой брат ходит вместе с ней в спортзал, и, обмениваясь шуточками, они решают, чем займутся вечером. Теперь все ясно. Он – как отец, вылитый его портрет. Чем старше он становится, тем точнее становится копия. Я же, как и прежде, маячу бледной тенью в углу. Хотел бы я знать, кто это стибрил проявитель, когда пришла моя очередь проявляться. Выхожу из душа. Накидываю халат, вытираю волосы полотенцем: тем самым, синим. Сильно вытираю волосы: они совсем короткие и быстро высыхают. Оставляю полотенце на голове и иду в комнату. Паоло замечает меня.

– Поразительно, как ты похож на маму. Позвони ей, она будет счастлива.

– Ладно, попозже, – сегодня у меня нет настроения дарить кому бы то ни было счастье.

6

Из коридора доносится бряцание ключей, открывающих замок в двери. Раффаэлла оборачивается.

– А! Вот и Клаудио!

Дверь медленно открывается. Но нет, на пороге появля-

ется Баби. Во всей своей новой красе.

Раффаэлла бежит ей навстречу.

– Что ты сделала?

– В смысле?

– Во-первых, ты поздно пришла, а во-вторых – постриглась!

– О Боже, мама, ты меня напугала! Я Бог знает что подумала! Да, я сегодня утром подстриглась. Идет мне? Артур, который меня стриг, сказал, что так я выгляжу гораздо старше.

– Да... но мы все так любили твои длинные волосы!

– Мама, ну их ведь всего лишь немного укоротили, – улыбается Баби, – так я и знала, что ты это скажешь. Смотри... – она открывает сумочку «Furla» и вынимает оттуда три фотографии. – Вот, я специально сделала пробы. Ну и как? Разве так не лучше?

Раффаэлла смотрит на фотографии. Потом улыбается, довольная дочкой, ее новой прической и всем остальным, что есть на этих фото. Но ей не хочется выглядеть побежденной. Она хочет, чтобы с ней считались. Особенно в таких важных делах.

– Да, так тебе хорошо. Но первый вариант мне кажется лучше... вот этот, с длинными волосами.

– Ну ладно тебе, не усложняй! Скоро они снова вырастут. Я даже пришла сегодня пораньше, ведь мы идем к Манджили, не так ли?

– Нет, я перенесла это на следующую неделю.

– Ну мама, что ж ты меня не предупредила! А я-то спешила, потому что мы должны были ехать к нему... Трудно было позвонить, что ли?

– Я никогда не звоню по пустякам.

– Знаю, но я столько вещей отменила из-за этого!

Баби вздыхает и ставит руки на пояс. Когда она теряет терпение, она становится похожей на маленькую девочку. Не хватало только еще ножкой топнуть.

– Баби, да ладно тебе, к Манджили мы поедем на следующей неделе.

– Но не позже! Я хочу быть уверена в этом Манджили, мы его никогда не пробовали. И его никто не знает.

– Да он даже для Ватикана организовывает ужины.

– Я знаю, но они там, в Ватикане, вообще никуда не выходят, им все равно, что есть! Откуда им знать – вкусно или нет их кормят в монастырях!

– Баби, ну что ты говоришь! Вот увидишь: все будет хорошо, – Раффаэлла пытается ее успокоить. – Это же просто ужин...

– Да, но это же мой ужин и для меня он важен! И мне недостаточно того, что это не последний ужин перед концом света, я хочу, чтобы он был необыкновенным!

Говоря это, Баби уходит в свою комнату, громко захлопнув за собой дверь. Раффаэлла пожимает плечами. Конечно, в такой ситуации нервы взвинчены. Именно в этот момент

дверь открывается и входит Клаудио.

– Я пришел, солнышко!

– Наконец-то. Где ты пропадал?

Клаудио поспешно целует ее в губы.

– Извини, мне надо было проверить документы в офисе.

Не сознаваться же в том, что ты все это время слушал рассказ про разные опции, расход топлива и фантастические скидки при покупке «Z4». И не только это. Еще ты узнал смехотворную продажную цену своего «мерса».

– Смени рубашку и надень другой галстук. Побыстрее. Я все тебе положила на кровати.

– Прости, а мы разве не едем посмотреть кейтеринг⁶ моего друга Манджили? Зачем переодеваться?

– Клаудио, да о чем ты думаешь? Я же тебе специально звонила сегодня на работу. Я совсем забыла, что сегодня вечером мы должны были ехать к Пентези. А Манджили я перенесла на следующую неделю! Давай, быстрее, мы уже опаздываем!

– Ах да, точно.

Клаудио спешит в комнату и старается нагнать потерянное время. Он быстро раздевается, снимает пиджак. Именно в этот момент мобильник издает настойчивый писк. Клаудио вынимает его из пиджака. Это ответ на его смс. Он читает его и едва успевает стереть, прежде чем входит Раффаэлла.

⁶ Catering (англ.) – ресторанное, банкетное обслуживание, приготовление и до-
ставка блюд и напитков на банкеты, праздники и т. д.

– Давай побыстрее, что ты там возишься с телефоном? Кто это звонил?

– Да, извини, это Филиппо. Он иногда присылает мне эс-эмэски.

– Филиппо? И с каких это пор вы пишете друг другу послания?

– Да так быстрее.

Клаудио снимает рубашку и через голову надевает чистую, расстегнув только воротничок, – для скорости и еще чтобы не смотреть Раффаэлле в глаза.

– Ничего особенного, он мне сообщил, что в понедельник мы не играем в бридж: что-то там случилось.

– Так даже лучше. Тогда можно на понедельник назначить кэйтеринг Манджили. Ну давай же, побыстрее, я жду тебя в гостиной.

Клаудио надел, наконец, рубашку и падает навзничь на кровать. Никогда еще дело не приобретало такой скверный оборот. Ну вот, теперь еще и бридж придется пропустить.

Это первое, что пришло ему на ум, что ж, от чего-то все равно пришлось бы отказаться. Он накидывает на шею галстук, поднимает воротничок рубашки и завязывает узел. А если у Пентези будут и супруги Аккадо? Черт, об этом-то я не подумал. А если олух Филиппо не просечет на лету? Он уже как будто слышит его голос: «Клаудио, что ты говоришь, я не посылал тебе никакого сообщения». В эту минуту Клаудио понимает, что совсем не хочет идти на эту вечеринку.

Он затягивает на шею элегантный голубой галстук, подарок Раффаэлла. Смотрится в зеркало. И на какую-то долю секунды этот галстук кажется ему веревкой висельника.

7

Паоло смотрит телевизор и одновременно говорит по телефону: он растянулся на кровати, ноги его свешиваются на пол, а большим пальцем руки он перебирает кнопки пульта дистанционного управления в поисках чего-нибудь более интересного, чем собеседник, с которым он разговаривает.

– Ну, пока, мне надо идти.

– Куда ты?

Я впервые смотрю на него без улыбки.

– Прогуляюсь.

Он уже раскаивается, что задал этот вопрос, и пытается исправиться.

– Вторая связка ключей на кухне в шкафу, слева от двери, в глиняном кувшине.

Он всегда все уточняет. Потом он начинает объяснять тому, с кем разговаривает, что он сказал, кому и зачем. Я брат, вернувшийся из Америки. Я слышу его крик издали:

– Нашел?

Я кладу ключи в карман и прохожу мимо него.

– Нашел.

Он улыбается мне. Уже собирается продолжить разговор

по телефону, но вдруг прикрывает трубку левой рукой и говорит:

– Хочешь, я дам тебе машину?

Он говорит это озабоченным голосом, и видно, уже пожалел, что предложил: боится, что я соглашусь. Тяну с ответом несколько секунд. И наслаждаюсь. В конце концов, я его об этом не просил.

– Да нет, не надо.

– Ну о'кей, – он с облегчением вздыхает. Пронесло. Потом пытается хоть как-то поучаствовать в устройстве моей жизни: – Видел, Стэп? Я пригнал твой мотоцикл в гараж.

– Да, видел, спасибо.

Но жизнь мою не так-то просто устроить. Сажусь в лифт и спускаюсь в гараж. В глубине вижу торчащее из-под серого брезента колесо. Я его узнаю. Мотоцикл далеко не новый, но еще живой, покрыт пылью, а на спидометре – серьёзная цифра. Движением тореадора сбрасываю брезент. Вот он, родимый. Синяя блестящая «Honda Custom VF 750». Глажу бензобак. Рука моя оставляет на пыли тонкий след синего цвета. Потом я поднимаю седло, присоединяю провода к аккумулятору и закрываю его. Сажусь. Вынимаю из куртки ключи и вставляю в замок зажигания. Рядом с мотором. Сверкает легкий брелок – он, приплясывая, то и дело касается холодного мотора. Тускло мигает красным и зеленым огонек зажигания. Аккумулятор разряжен. Пытаюсь ради шутки завести, но не могу. Правой рукой нажимаю красную кнопку:

никакой надежды. Делать нечего. Надо толкать. Вывожу мотоцикл из гаража, он сильно прижимается к моему правому боку. Мышцы напряжены. Иду быстрее. Шум шагов сливается с шуршанием щебня, раз, два, три, все быстрее и быстрее. Выхожу со двора и толкаю мотоцикл по асфальту. Еще быстрее. Еще несколько шагов. Вторая скорость включена. Левой рукой отжимаю сцепление. Все, пора. Отпускаю сцепление. Мотоцикл резко тормозит. Но я толкаю его дальше. Он что-то бормочет. Отжимаю и снова отпускаю сцепление. Мотоцикл кашляет. Ну, еще разок, сильнее. Я вспотел. Последний толчок – думаю, последний. И в самом деле, мотоцикл вдруг заводится. Рвется вперед. Придерживаю сцепление левой рукой, а правой давя на газ. Мотор оживает и рычит в ночи, на темной улице. Еще газу. Из глушителя вырывается старая гарь: двигатель прокашливается от прошлого, от долгого бездействия. Жму на газ. Сажусь в седло и включаю фары. Отпускаю сцепление и несусь навстречу ночному ветру. Пот высох от быстрой езды. Еду к Фарнезине. Проезжаю по виадуку. Не тормозя, ухожу на поворот. Чуть сбрасываю газ, чтобы вписаться в поворот, и снова поддаю. Мотоцикл заносит. Прибавляю газ, и он, как послушный конь, несет меня к мосту Милвио. Мимо проносится церковь, Паллотта, в которой было съедено сотни пицц, слева – Джанфорнайо и тут же – цветочный магазин. Блин, сколько же цветов было послано из этого магазина, там были самые лучшие скидки... столько цветов, самых разных, но все для нее, для нее одной. Не ду-

мать об этом, не хочу об этом вспоминать. Вон Пистола, торговец арбузами, читает что-то на своем мобильнике. Два раза сигналю, он смотрит на меня. Машу ему рукой, но он меня не узнает. Плевать, потом как-нибудь заеду к нему и напомню о себе. Жму на газ и уношусь дальше по темной улице. Е-мое, какой все-таки Рим красивый. Я по тебе скучал. Жму на газ еще сильнее и лечу по набережной Тибра. Виляю между машинами. Влево, вправо... Наконец, сбрасываю скорость и качусь вдоль обочины. Справа высятся сосны Форума. Несколько потаскушек греются около догорающих костерков. Толстые ноги плотно обтянуты узкими голенищами сапог. Одна из них – видать образованная или притворяется-читает газету. Громко смеется над идиотизмом какой-то статьи. Вполне возможно, это печальные новости, а она просто не поняла этого. Другая сидит на складном стульчике и ручкой быстро заполняет клеточки кроссворда. Либо пишет, что в голову взбредет, либо и вправду знает ответ. Газую и сразу же торможу. Пятая, четвертая, третья, резкий поворот направо. Останавливаюсь возле кинотеатра. Выставляю подставку и слезаю с мотоцикла. Девчонки, сбившись в группки, смеются и курят сигареты, недоступные взорам обманутых родителей. Блондинка с короткими волосами и густым макияжем, глядя на меня, толкает локтем подружку. Та, кареглазая, темноволосая, со стрижкой каре, сидит, скрестив ноги, на сером скутере «SH 50». Она уставилась на меня, не в силах вымолвить ни слова. Я касаюсь своих коротких во-

лос на затылке. Загоревший, худой, я улыбаюсь и прекрасно себя чувствую. Я спокоен. Мне хочется холодного пива и посмотреть какой-нибудь фильм. Если честно, мне хочется еще кое-чего, но я понимаю, что это невозможно.

– Стэп, глазам своим не верю!

Брюнетка спрыгивает со скутера и с диким криком бежит мне навстречу. Я смотрю на нее, пытаюсь сфокусировать взгляд. И вдруг узнаю ее: Паллина... Не может быть... Паллина. Паллина, девушка моего друга, моего лучшего друга. Полло, моего товарища по первым пьянкам, по первым любовным похождениям, по тысяче хренотеней, ржачки, побоищ, драк в пыли, в грязи, под дождем, по ночам, зимой, летом, в лучшее время нашей жизни. Выкуренные пополам сигареты, сотни литров пива – это все Полло, участник тысяч мотогонок и той последней...

– Паллина.

Она бросается мне на шею, крепко обнимает. Точно так же меня обнимал мой друг, но его больше нет. Стараюсь не думать об этом. Сжимаю ее в объятиях, еще сильнее, вдыхаю запах ее волос, переводя дыхание, силюсь вернуться в сегодняшний день, в реальную жизнь.

– Паллина.

Она отклоняется чуть в сторону и смотрит на меня сияющими глазами. Мне хочется смеяться.

– Блин, да ты стала настоящей красоткой!

– Ну наконец-то ты это заметил!

Она смеется от радости, смеется и плачет одновременно: она всегда была такой сумасшедшей, а вот красавицей стала только сейчас.

Она вытирает нос рукой и улыбается.

– Тебя просто не узнать!

Крутится передо мной, улыбка не сходит с ее лица, глаза светятся любовью. Устраивает мне своеобразный показ мод.

– Ну, как я выгляжу? Похудела? А короткие волосы как тебе? Что скажешь? Знаешь, как называется эта стрижка?

– Понятия не имею.

– Блин! Да ты что, это же последний писк! Ты же был в Америке и не знаешь! – она смеется как сумасшедшая. – Я стильная! Я взяла ее из «Cosmopolitan» и «Vogue». Представь Анджелину Джоли и Камерон Диаз, так вот, я их смешала и сделала лучше!

Трудный момент прошел. Она говорит:

– Как я по тебе скучала, Стэп.

И снова обнимает.

– И я по тебе.

– Да ты тоже стал что надо. Покажись-ка. Похудел. А они на месте?

Она кладет мне руку на футболку и проводит по мускулам.

– Здесь они, здесь... И даже еще круче стали!

Щекочет меня.

– Слушай, перестань!

Смеется.

– Булавы, как ты говоришь. Иди, я тебя познакомлю. Это моя подруга Джада.

– Привет.

– А это Джордже и Симона.

Мы киваем друг другу. Я слишком долго смотрю на лицо Джады: она краснеет, и это заметно даже через ее чрезмерный макияж. Паллина все видит.

– Неплохо. Не успел приехать, а уже кровожадные планы в голове.

Джада отворачивается и волосы падают ей на лицо. Она прячется, улыбается из-под волны рассыпавшихся волос, зеленые глаза, как у олененка Бэмби. Паллина качает головой.

– Ну вот... начинается... давай-ка лучше мы о своем поговорим. Пойдем, выпьем пива. Ты ведь еще здесь не был с тех пор, как вернулся? Поговорим о прошлом, – я не успеваю попрощаться, Паллина увлекает меня за руку. – Давай, мне надо рассказать тебе кучу вещей. Ты мог бы написать мне пару строк, позвонить или открытку прислать. Телефон мой хотя бы помнишь?

Говорю его на память. Потом выпаливаю:

– Там я повсюду искал Полло.

Блин, не надо было этого говорить. К счастью, мы уже подошли ко входу. Паллина меня спасает: она или не слышала, или делает вид. Она здоровается с тщедушным охранником.

– Привет, Андреа! Ну что, вступишь нас?

– Конечно, Паллина, ты с другом?

– Да. А знаешь, кто это?

Андреа не отвечает.

– Это же Стэп, помнишь, я рассказывала тебе о нем?

– Еще бы не помнить, – парень улыбается. – Черт, неужели то, что о тебе рассказывают, – правда?

– Сократи на шестьдесят процентов и будет почти правда.

Паллина качает головой, тянет меня за рукав, и мы входим.

– Он скромничает. – Паллина хлопает охранника по плечу: – Спасибо, Андреа.

Я иду за ней, улыбаясь.

– Да... времена, действительно, изменились...

– В смысле?

– Что за охранников теперь нанимают?

Паллина оборачивается на Андреа, который следит за нами взглядом, будто сомневаясь, что это и есть тот самый Стэп, о котором он столько слышал.

– Ну, слушай, Стэп, он реальный.

Реальный. Что это значит? Когда-то, прежде чем встать на дверях, тебе показывали кузькину мать, чтобы понять, годишься ты или нет. Знаешь, однажды мне велели занести деньги в «Green Time» одному господину... Едва я вошел, как на меня наскочили трое. – Я начинаю рассказывать. Поло там тоже был. На этот раз мне удастся не упоминать о нем, не хочу его волновать, где бы он ни был. Надеюсь, он слушает

меня и веселится, вспоминая это время. – В общем, хрена им удалось отнять у меня деньги. Я одним движением вытащил ремень и хрясь! Надавал всем троим по роже. Одному попал пряжкой в скулу и разбил ее, другим меньше досталось. Но плюх я и им надавал. Со следующего дня я четыре месяца стоял на дверях в «Green Time». По сотке за вечер. Вот это была жизнь, есть о чем вспомнить.

– У Полло был шрам на левой щеке. Он мне говорил, что это от ремня.

Ничего от нее не утаить.

– Может, это отец его порол?

Она смотрит на меня с улыбкой.

– Вот врун. Ты не изменился.

Мы садимся за пластиковый стол, на белые стулья и молчим. Я оглядываюсь. Сзади виднеется нечто надувное, кое-как приспособленное под бассейн. Оттуда доносится гвалт: там самые разные люди. Один, стоя на бортике, орет как недорезанный. Он обхватывает руками колени и падает «бомбочкой». Брызги летят во все стороны. Толстая дамочка в синем купальнике прикрывает волосы руками, и получается, будто она святая в венце... Какой-то мальчишка показывает на нее пальцем своим друзьям, и она кричит на него, грозя кулаком. Потом она, ворча что-то себе под нос, плавает в этом бассейне с теплой и пенистой водой. Ее муж, толстый, с густой растительностью на груди, сидит на противоположном бортике и смеется, глядя на жену. Он покачивает

головой и курит сигарету. Наверняка еще и мочится. Потом закашливается. Сигарета падает в воду и гаснет, он ее слегка притопил: именно там, где ныряет какой-то малыш, неловко пытаюсь плыть вольным стилем.

– Ну, как ты живешь?

– Отлично, а ты?

– Хорошо, хорошо.

Мы молчим некоторое время, вспоминая то, что ушло безвозвратно. К счастью, из музыкального аппарата доносится песня «The lion sleeps tonight». Как знать. Кто из нас сейчас лев. И, главное, действительно ли он спит. Подходит официант.

– Подожди, дай-ка я угадаю. «Corona» с долькой лимона.

– Нет, теперь я пью «Bud».

– Да ты что? Мне тоже оно безумно нравится. Два «Bud», пожалуйста.

Кто знает, она это всерьез сказала?

– Знаешь, я часто о тебе думала, когда ты был там... в Нью-Йорке, кажется?

– Да.

Смешная она, ничуть не изменилась: то болтает без остановки, то говорит что попало. Она так часто обо мне думала, что даже точно не знала, где я находился. Да ты что, Стэп? Это же Паллина, оставь ее в покое. Это девушка твоего друга Полло. Ее тоже не надо строго судить, не надо анализировать без конца все, что она говорит. Давай, спокойнее. Мысленно

сам себе даю пощечину.

– Да, в Нью-Йорке. И я здорово там поразвлекся.

– Представляю. Ты правильно сделал, что уехал тогда. Здесь такой напруг был.

Нам приносят «Bud». Поднимаем бокалы. Мы знаем, за что сейчас выпьем.

– За него...

Я говорю это вполголоса. Она кивает. Глаза ее застилаются любовью, воспоминаниями, прошлым. Но сейчас мы здесь. И наши бокалы со звоном ударяются друг о друга. Потом я жадно припадаю к запотевшему стеклу: пиво холодное, такое вкусное! Мне не хочется отрываться, но, выпив половину, перевожу дыхание. Ставлю «Bud» на стол.

– Хорошее.

Лезу в карман куртки. Но Паллина опережает меня. Она достает пачку «Мальборо лайт» из светло-зеленой рубашки с погончиками и карманами на молнии. Вынимает из пачки одну сигарету и протягивает пачку мне. Мну сигарету и с грустью думаю, что прошли те времена, когда вожделенная сигарета передавалась по кругу. Меня охватывает грусть: неужели время желаний ушло? Закрываю пачку и отдаю Паллине. Сигарета во рту. Она протягивает зажигалку и дает мне прикурить. У нее холодные руки, она улыбается.

– Знаешь, а ведь у меня с тех пор больше не было мужчины.

Я затягиваюсь и выпускаю плотное облако дыма.

– Мужчины? А парень был? – я пытаюсь глупо пошутить.

– Да нет, в общем, этого не было.

То ли из-за «Bud», то ли из-за сигареты или этого бардака вокруг, мы смеемся. И все становится как прежде, легко и просто.

Мы рассказываем друг другу обо всем: о прошлом, о том, что происходит в нашей жизни сейчас, о друзьях. Всякую такую хрень. Обычную хренотень. Но нам хорошо вместе. Она рассказывает римские новости.

– Ну эта! Как ее, ты же помнишь? Ты не представляешь, какой она стала!

– Пампушкой?

– Да она просто жирная корова!

Мы смеемся.

– А вот Фруллино снова вляпался.

– Да ты что?

– Да, он поцапался с Паперо, потому что спутался с его подружкой, а тот его вывел на чистую воду.

– Поверить не могу, все безбожниками стали.

– Клянусь тебе.

Мы снова смеемся.

– Братья Бостини открыли пиццерию.

– Где?

– У «Фламинио»⁷.

⁷ Станция метро «Фламинио», около площади дель Пополо.

– Ну и как?

– Нормально, туда много наших ходит, ну и вообще полно народу. Там клево и недорого. А Джованни Сманелла все никак аттестат не может получить.

– Да ты что? О чем он думает?

– Представляешь, этой зимой он ко мне клеился.

– Да ладно! Вот козел!

Невольно наваливается прошлое. Паллина озабоченно смотрит на меня.

– Да нет, это было даже мило. В конце концов мы подружились, он просто ходил со мной всюду. И часто рассказывал мне о Полло.

– Да ладно! – я задумываюсь.

– Блин, Стэп! – Паллина отхлебывает пиво. – Да ты ни-сколько не изменился!

Напрягаюсь, но тут же забиваю. Да какая разница. Она ничего плохого не сделала. Жизнь продолжается.

– Изменился, – улыбаюсь я.

– Ну ладно, тогда можно касаться и других тем?

Она улыбается и строит мне невероятно хитрую рожицу.

– А-а-а... – тут я понимаю, что изменился в лице. – Вот и болезненная точка. Ты же сам хотел об этом.

Она делает последний глоток и становится настоящей женщиной.

– Ну, ты больше с ней не говорил? Сколько времени ты с

ней не общался? Ты пытался позвонить ей оттуда?

Настоящий танк, ее не остановить.

– Да, блин, успокойся ты. Я что, в полиции на допросе? – стараюсь не показать, как меня задела эта тема. Не знаю, получилось ли. – Нет, не говорил.

– Ни разу?

– Ни разу.

– Поклянись.

– Клянусь.

– Не верю.

– Какого дьявола. Ты думаешь, я тебе вру? Ну, тогда считай, что я с ней говорил.

– Ну ладно, ладно, верю. А я ее встретила однажды.

И делает паузу. Длинную. Слишком длинную. Молчит. Нарочно.

Смотрит на меня и улыбается. Она хочет, чтобы я что-нибудь сказал. Выжидает. Но почему? Вот блин. Засранка. Я не выдерживаю.

– Ну, давай, Паллина, колись. Рассказывай.

– Все такая же симпатичная, но...

– Но?

– Другая. Не знаю, как сказать. В общем, она изменилась.

– В этом я и не сомневался. Все мы изменились.

– Да, согласна... Но она... она как-то так изменилась... не знаю, как-то по-другому.

– Да ты уже говорила! Что это значит – по-другому?

– Не знаю. Она стала другой и все тут. Не могу объяснить.

Если не понимаешь, тебе нужно ее увидеть и тогда...

– Спасибо за совет.

И тут я, сам не знаю как, задаю вопрос, который вертится у меня на языке. Я не хотел его задавать, он сам выскочил, как будто спрашивал кто-то другой.

– А она... она была одна?

– Да. И знаешь, чем она шла заниматься? Шопингом.

Меня разбирает смех. Я помню ее, представляю ее и вдруг явственно вижу ее. Баби. «Так. Подожди меня здесь. Никуда не уходи, Стэп, не исчезни, как ты это обычно делаешь. Нет, правда, не уходи: мне нужен твой совет...» Я остаюсь перед витриной. Она входит в магазин, смотрит, выбирает и зовет меня. «Смотри, я беру это. Тебе нравится?» Но я не успеваю ответить. Она передумала, берет другую модель. Примеряет, ей идет. Она снова полна решимости купить это платье. Проходится передо мной, смотрит на меня. «Ну?.. Эй, как тебе?» – «Мне кажется, тебе очень идет». Смотрится в зеркало. Но ей что-то не нравится, что-то, видимое только ей. «Простите, но мне надо еще немного подумать». Мы выходим из магазина, и она обнимает меня. «Нет, нет, я решила его не брать. Слишком дорого». Она счастлива, потому что в любом случае приняла правильное решение. В конце концов, это платье я ей подарил несколько дней спустя. А она смеялась. Это стало игрой. Еще одной. Баби, ну почему ты

не хотела больше играть? Я не успел найти ответ на этот вопрос.

– А ты не знаешь, она все еще с этим?

– Нет, не знаю. Как бы я мог узнать? Я же сказал тебе, что больше с ней не разговаривал. У меня что, по-твоему, есть тайные осведомители?

– Я думаю, у нее никого нет, – она специально это говорит, и улыбается, думая, что мне приятно это слышать.

Вообще-то, я не знаю, что она при этом думает, и не хочу знать: – Короче, Баби меня не интересует.

Паллина недоверчиво тянет:

– Что?

– Она меня не интересует. Seriously. Кто-то однажды сказал, что, если ты справишься с чем-то в Нью-Йорке, ты справишься с этим в любом другом месте. Думаю, я справился.

– Понятно. Это был не кто-то. Это было. *Что-то изменилось.* Ну ладно, я тебе верю. – Она весело улыбается.

Я делаю еще глоток пива.

– Слушай, она меня действительно не интересует.

– Да что ты мне это повторяешь, прости Господи.

Звонит чей-то телефон. Звонок какой-то необычный. Полифония, но на низких тонах, – звук искаженный, отвратительный. Парень за соседним столом, вынимает сотовый из кармана и подносит к уху. Но это звонит не его телефон. Он слегка краснеет, и вновь продолжает прерванный было разговор с девушкой, сидящей напротив. Девушка делает

вид, что ничего не произошло. Телефон продолжает звонить. Звонок настойчивый, он становится все громче. Толстяк за другим столом вынимает из кармана рубашки крошечный телефон и смотрит на него. Он плохо видит и поэтому подносит телефон к уху. Нет, это не его телефон. Он едва не бросает его на стол: «Черт бы побрал все эти мобильники».

– Я оставила телефон дома, – говорит Паллина, – значит, это не мой. Иногда, когда не хочу ни с кем разговаривать, я его отключаю. Но сегодня я его просто забыла.

Телефон продолжает звонить.

– Слушай, почему-то мне кажется, что это твой.

Я делал очередной глоток пива, и оно едва не выливается мне на рубашку. Блин, точно, как я об этом не подумал. Вынимаю телефон из кармана. Это он. Теперь он звучит еще громче. Наверняка это Паоло выбрал такой звонок. На меня смотрят. И Паллина тоже. Я пытаюсь оправдаться:

– Мне его сегодня вечером подарил Паоло.

Паллина кивает.

– Алло, – да, это мой звонил.

– Ну, наконец-то. Я думала, ты на дискотеке. Ты не слышал звонок? – Красивый женский голос. Потом раздаётся смех. – Ты, наверное, спрашиваешь себя, кто бы это мог раздобыть твой телефон. Твой брат мне все рассказал. Я надеюсь, что я первая тебе по нему звоню. Это Ева.

Я замираю. Ева? Ну да... Ева, стюардесса. Ева, которая приносила мне пиво. Ева, порхающая, как бабочка, по само-

лету. Кнелька Ева. Вот когда могут пригодиться братья. И сотовые телефоны.

– Ну так... ты слышишь меня?

– Конечно.

– Ты понял, кто я, или ты уже напрочь меня забыл?

– Да как я мог забыть... – Я хотел сказать – кнельку Еву, но сейчас был неподходящий момент. – Ева. А я-то думал, что этот телефон не подключен. Мне еще никто по нему не звонил.

– И скольким девушкам ты уже дал свой телефон?

Она уже слегка ревнует... Я смеюсь:

– Ни одной.

– А ты где?

– Да я тут с одной подругой.

На другом конце замолчали.

– Тут это где?

– Здесь, мы гуляем.

Странная вещь этот телефон: ты одновременно повсюду и нигде.

– И кто эта твоя подруга?

– Одна подруга.

– И что твоя подруга думает, когда ты так долго говоришь по телефону?

Паллина оборачивается и здоровается с только что вошедшими друзьями.

– Ничего не думает. Я же сказал: это просто подруга, – я

слышу ее облегченный вздох.

– Слушай, если хочешь, давай встретимся где-нибудь. Можно погулять.

– Есть одна проблема.

– Твоя подруга?

– Нет, мой мотоцикл. Я на мотоцикле.

– Да уж, это и впрямь проблема.

– Боишься?

– Нет, а что, надо бы?

– Нет, – мне нравится эта девушка.

– Проблема в том, что мне нельзя. Мне запрещено по страховке авиакомпании.

Я не знаю, правду ли она говорит. Но это неважно.

– Да уж, если ты совершишь полет с мотоцикла, тебе не заплатят.

– Не хочешь приехать ко мне? Я в отеле «Villa Borghese».

Паллина смотрит на меня и делает знак рукой, как бы говорит: «Боже, сколько же можно болтать?»

– А потом поедем куда-нибудь на такси? Или на это у тебя тоже страховки нет?

Ева смеется:

– Там посмотрим.

Я закрываю телефон.

– Ну наконец-то! Тёрки с женщиной?

– Ты стала любопытной?

Я поднимаюсь и беру счет.

– Ты что, уходишь?

– Да, но сначала заплачу.

Паллина немного разочарована.

– Мы еще увидимся в ближайшие дни или ты сразу уедешь?

– Нет, я остаюсь.

– Дай мне свой телефон, я тебя найду.

– Я не знаю номер на память.

Паллина смотрит на меня и строит смешную рожицу. Она кривит лицо с одной стороны и смотрит сквозь прищур. Она стала симпатичнее, повзрослела. И я очень ее люблю. Но ничего тут не поделаешь. Она мне не верит.

– Ну, давай, я сам тебе позвоню. Или позвони мне домой, я живу у брата. Номер все тот же.

Она успокаивается. Встает и целует меня:

– Чао, Стэп. С приездом.

И идет к своим друзьям.

8

Мотоцикл заводится с полоборота. Аккумулятор зарядился нормально. Первая передача, вторая, третья. Через минуту я уже под акведуком Корсо Франча. Тут кое-что приходит мне на ум, и я поворачиваю обратно. Такой девушке, как Ева, это должно понравиться. Но, главное, мне это нужно самому. Пять минут спустя. Корсо Франча, пьядца Эукли-

де, аллея Париоли. Дешевые рестораны и машины, припаркованные в два ряда. Элегантные господа, делающие вид, что они оставили машину на стоянке; похоже, это поляки с трудом изъясняющиеся по-итальянски. Дама, едва научившаяся водить автомобиль, пытается сделать некий маневр, чтобы припарковать машину. Ей кажется, что у нее получилось. На самом деле, она полностью перегородила проезд. Ребята и девчонки, вышедшие из бара подышать свежим воздухом, стоят прямо на дороге. Я быстро объезжаю машины, несусь к площади Унгерия. Сворачиваю направо, потом налево, доезжаю до зоопарка. Отель «Вилла Боргезе». Паркую мотоцикл и, с пакетом в руках, иду к дверям.

– Добрый вечер... – Блин! Из головы вылетело. Я же не знаю ее фамилию. – Добрый вечер, – снова говорю я в надежде, что в голову придет какая-нибудь блестящая мысль.

Портье, мужчина лет шестидесяти, добродушный толстяк, приходит мне на помощь:

– Синьорина ждет Вас. Номер двести два, второй этаж.

Мне хочется спросить его, откуда ему известно, что я иду именно к ней. А если я просто хотел узнать, есть ли свободный номер, или еще что-нибудь? Например, просто задать вопрос. Но понимаю, что лучше ничего не говорить.

– Спасибо.

Он смотрит мне вслед. Слегка улыбается, вздыхает, покачивает головой. То ли завидует Еве, то ли вздыхает о прошедшей жизни, полной радостей и приключений. Я подни-

маюсь по лестнице. Номер 202. Останавливаюсь перед дверью и стучу.

– Это шампанское? – подходя к двери, спрашивает она насмешливым голосом.

– Нет, пиво.

Открывает дверь.

– Привет, заходи.

Она два раза целует меня в щеки. Двигается она неторопливо, немного по-другому, чем в самолете, – гораздо мягче. Совсем по-другому. Волосы у нее распущены.

– Кроме шуток, хочешь что-нибудь выпить? Я могу заказать снизу.

– Да. Я уже сказал: пива.

– Ну пиво-то есть в холодильнике.

Она указывает на маленький холодильник в противоположном углу номера. Я подхожу к нему и достаю пиво. Оборачиваюсь: она уже сидит на диване. Раскинутые руки лежат на подлокотниках и подушке. Ноги на полу, колени плотно сжаты.

– Я вся на взводе. Ходила по магазинам, как ты мне посоветовал.

– Ну и как?

– Классно. Купила ночную рубашку и чудесный комплект необычного синего цвета, «пастельно-синего», как я его назвала. Тебе нравится такой цвет?

– Очень.

Она улыбается, наклоняется вперед, усаживаясь ровно.

– Хочешь посмотреть, как они на мне сидят?

Она живая, внимательная, веселая. И все время улыбается. Смотрит на меня пристально. Немного лукаво. Наверное, хочет произвести впечатление, показать, какая она изысканная и все такое. Если это вызов, я принимаю его.

– Конечно, хочу.

Она берет пакет. Смотрит на меня, щурится и, развеселившись, уходит. И я знаю, что она хочет услышать.

– Куда ты?

– В ванную. А ты что подумал? – и она закрывает за собой дверь, улыбаясь последней улыбкой из своего арсенала: – Но я скоро вернусь, жди.

Я только допил пиво, как она выходит из ванной. Это она. Ева.

– Ну как я?

На ней прозрачная ночная рубашка, которая обтекает тело как морская волна, такая тонкая, что мне слышится шум моря. Рубашка синевато-коричневого цвета. Пастельно-синего, как она сказала. Волосы причесаны. Даже улыбка, кажется, стала дугой.

– Красивая. Очень. Если это ночная рубашка... то хотелось бы и комплект посмотреть.

Ева смеется. Затем выражение ее лица меняется, и она подходит ко мне профессиональной походкой. Она снова становится стюардессой.

– Вы звонили? Что желаете?

Мне на ум не приходит ничего остроумного, кроме разве что: «Как бы сказала та синьора: «тебя, кнелъка»». Но мне кажется, это не то. И я ничего не говорю.

Но она ждет ответа. Подходит вплотную. И мне снова вспоминается песня «Нирваны»: «If she ever comes down now...»

– Ну так что же вы желаете?

– Раствориться в твоей постели.

Это ей нравится. Ева смеется. Оценила мою шутку. Она решает, что немедленно даст мне в нем раствориться. Целует меня. Потрясающе, спокойно, мягко, долго. Немного играет с моей нижней губой, покусывает ее, слегка захватывает губами. Потом неожиданно отпускает меня. Стараюсь этим воспользоваться.

– Я тебе кое-что привез.

Впрочем, спешить некуда. Посадка не предусмотрена. Во всяком случае, сейчас. Я встаю и беру пакет. Она с удивлением смотрит на меня. Ее соски видны сквозь легкие складки ночной рубашки. Но я не хочу терять время. Открываю пакет у нее на глазах.

– Вот это да! Две дольки арбуза!

– Я взял их у одного друга возле моста Милвио. Я не видел его сто лет, и он мне их подарил.

Даю ей одну дольку.

– У него самые лучшие арбузы в Риме.

После твоих, хочется мне добавить. Но эта шутка была бы еще хуже, чем первая. Она грызет арбуз и тут же пальцем снимает капли сока, который ползет у нее по губам, и слизывает его, чтобы не потерять ни капли. Я смеюсь. Да. Спешить некуда. Я надкусываю свой арбуз. Он свежий, сладкий, вкусный, пористый, не мучнистый. Ева все еще ест. С удовольствием. Мы поедаем свои куски с улыбкой, глядя друг на друга. Это становится почти состязанием. У нас в руках остаются розоватые полумесяцы. Мы продолжаем жевать. Сок ползет по подбородку. Она откладывает свою корку на стол и, не вытирая рот, снова меня целует.

– Теперь ты мой арбузик, – она кусает меня за подбородок и облизывает вокруг рта, слегка задерживаясь на моей щетине. Она настроена решительно, ее разбирает желание, ей весело. Она стала настоящей женщиной. – Знаешь, я хотела тебя в самолете и сейчас хочу.

Я не знаю, что ответить. Мне немного странно слышать ее слова. Молча смотрю на нее, она улыбается.

– Впервые в жизни я с пассажиром.

Спокойно вынимаю из кармана телефон. Я подумал о том, что он может невпопад зазвонить, и выключаю звук. Судя по тому, как идут дела, теперь понятно, что это самый лучший подарок, который Паоло мог бы мне преподнести.

– А ты – единственная стюардесса, по которой я скучал.

Она делает вид, что хочет дать мне пощечину. Я на лету хватаю ее руку и нежно целую. Она протестует, делает вид,

что сердится, фыркает.

– И еще ты самый сочный арбуз в моей жизни.

Она радостно улыбается и освобождается из моих рук. Сидит на диване со скрещенными ногами. Решительная, бесстыдная, дерзкая. Она просовывает руку мне в брюки. Медленно, нежно. Она знает, куда. И я знаю. Она смотрит мне в глаза с вызовом, без стыда. Я смотрю на нее, не помогая ей, и улыбаюсь. Тогда она притягивает меня к себе, полная желания и страсти, и крепко обнимает за плечи. И я отдаюсь ее порыву. Я растворяюсь в этом пастельно-синем, я опьянел от сладкого, в том числе и арбуза.

9

А где-то вдалеке, на улице Аурелиа, не доезжая Фрегене, стоит Кабель-ди-Гвидо. Это старый заброшенный замок, наскоро декорированный заново. Пятьдесят оформителей два дня подряд расписывали его стены. Пять огромных консолей, подвешенных на потолки, оборудованы самыми разнообразными лампами, способными в один миг осветить помещение дневным светом. Двести ламп по 100 киловатт призваны освещать гулкие гостиные замка, на стенах которого старинные фрески, выцветшие за столетия; фрески есть даже в подвалах. Пять тысяч свечей, расставленных повсюду: в залах и в саду. И в довершение-два грузовика, наполненных матрасами, еще затянутыми целлофаном. Все правиль-

но, ведь никогда не знаешь, как пойдет... И все эти «как пойдет» должен предусмотреть он, Алехандро Барберини. Это его вечер. На его двадцатилетие отец подарил ему черную карту «Dinners»⁸ Можно ли лучше отпраздновать это событие? 200 000 евро, немного усилий и – вуаля! Все готово. И, конечно же, Джанни Менджони никак не мог упустить такой случай. Именно он взял в свои руки организацию вечеринки. Он заказал больше тысячи бутылок алкоголя и триста шампанского, сорок пять пластиковых ведерок со льдом и двадцать официантов. Да и стоит ли скромничать? Себе он, за одну лишь организацию, попросил выписать чек в 30 000 евро. И обналичить. «С этими аристократами никогда не знаешь, сегодня они богаты, завтра – нет», – сказал он бедному Эрнесто, который на самом деле и занимался всеми организационными вопросами. Для Эрнесто же, получившего 1800 евро, это была каторжная работа, длившаяся больше месяца. Но для него эти 1800 – манна небесная. Он хочет сразу напавал красавицу Мадду. Они уже месяц встречаются, а она не дает до себя дотронуться. Но уж сегодня вечером все пойдет как по маслу. Он купил ей курточку, которая так ей нравится. 1000 евро улетели на куртку из розовой кожи, но если ей это в радость, ничего больше ему и не надо. Он спрятал пакет в машину, и после этой вечеринки, уже на рассвете... впрочем, как будет, так и будет... По крайней мере, улыбку на ее лице он точно увидит. Ту улыбку, которая по-

⁸ Инвестиционный банк.

корила его, до того покорила, что он решил взять Мадду в помощницы – в том числе и на этот вечер. И «всего лишь» за 500 евро. Короче, если все пойдет хорошо, в конце этого вечера Эрнесто положит себе в карман только 300 евро, но взамен получит нечто, не имеющее цены. Ради иных счастливых моментов можно пожертвовать и кошельком.

– Дани, ну куда ты делась? Я уже час тебя жду на улице.

– Знаю, но нам пришлось оставить машину на подземной стоянке. Он вечно боится, что его машину поцарапают.

– С кем это ты приехала?

– Как это с кем? Я же тебе говорила, с Кикко Бранделли!

– Не может быть!

– Если я говорю, так оно и есть.

– Так он все еще... слушай, он тебя клеит, чтобы отомстить твоей сестре!

– Нет, вы только послушайте! Какая же ты язва. Со мной он просто мил и ничего более. И потом, как знать. Почему, извини меня, Джованни Франческини, ну тот, что обхаживал эту, из третьего «А» как ее?

– Кристина Джанетти.

– Ну да. Он ведь тоже перекинулся на ее младшую сестру, как только с ней познакомился?

– Спасибо! Старшая – всем известная монашка, а младшая, говорят, такие номера откалывает, что рядом с ней, Ева Хенгер⁹ отдыхает!

⁹ Знаменитая венгерская порноактриса.

– Короче, мне Бранделли ужасно нравится, и потом я тебе уже говорила: через четыре дня у меня день рождения и я уже все решила.

– Ты опять начинаешь? Слушай, ты решила это сделать именно в восемнадцать лет? Вбила себе в голову. А тебе не все равно, если первый раз это произойдет через два года?

– Через два года? Ты с ума сошла! А когда же я нагоню? Ну уж нет-я уже решилась, а ты мне все ломаешь? И вообще, а ты-то сама, прости меня когда начала?

– В шестнадцать.

– Вот видишь, а меня лечишь!

– Это было другое, мы с Луиджи до этого были вместе два года.

– Слушай, не занудствуй. Мне Кикко ужасно нравится и сегодня вечером я решила сделать это. Отвянь, подруга, сделай милость хоть раз в жизни.

– Вот именно потому, что я твоя подруга.

Дани оборачивается и видит, что он приближается.

– Ну все, все, хватит. Он уже идет. Давай, заходим и больше об этом ни слова.

– Привет, Джули, – Кикко Бранделли здоровается и целует Джули в щеку. – Хорошо выглядишь, сто лет тебя не видел. Ты просто расцвела... Ну, как вам? Я молодец, что достал билеты на эту вечеринку? Вы довольны, куколки? Ну, пойдемте.

Кикко Бранделли берет под руку Даниелу и направляет-

ся ко входу. Даниела оглядывается и Джули передразнивает Бранделли: «Куколки». Потом делает вид, что ее тошнит, будто говорит: «Мамочки, какой же он страшный». Даниела незаметно изображает пинок. Джули со смехом идет за ними. Кикко прижимает Даниелу к себе.

– Ну, что вы опять? Все, ведите себя хорошо, вечно у вас игры. Заходим.

Он подходит к четырем охранникам, это огромные негры с бритыми головами, одетые во все черное. Один из них проверяет билеты. Кивает – все в порядке. Опускает позолоченный канат, давая дорогу гостям. За ними следуют другие только что приехавшие ребята.

10

То ли немного позже, то ли гораздо позже. Когда засыпаешь, а потом просыпаешься, никогда не понять, сколько прошло времени. Я просыпаюсь. Она лежит рядом. Распушенные волосы на подушке, ровное дыхание. Я начинаю тихо одеваться. Ева просыпается, когда я натягиваю рубашку. Она проводит рукой рядом с собой. Понимает, что меня там нет. Поворачивается. Улыбается, обнаружив, что я рядом.

– Ты уходишь?

– Да, мне надо домой.

– Арбуз мне очень понравился.

– Мне тоже.

– А знаешь, что мне особенно понравилось?

– Я вспоминаю все, что мы проделали, и мне кажется, что все было одинаково хорошо. Зачем же разочаровываться?

– Нет, а что?

– Что ты не спросил меня, понравилось ли мне.

Я ничего не говорю.

– Знаешь, это то, что все обычно спрашивают, и я себя так глупо чувствую... никогда не знаю, что сказать.

Все. Кто это все, чуть было не спросил я. Но, в конце концов, это неважно. Когда это не более, чем просто секс, объяснения не нужны. Вот когда это больше, чем секс, – тогда тебе нужны подробности.

– Я тебя не спросил об этом, потому что знаю, что тебе было хорошо.

– Нахал!

Она произносит это слишком нежно. Меня это беспокоит. Она придвигается и сжимает меня ногами, целуя при этом в спину.

– Ну ладно, тебе как, понравилось?

– Очень.

– Ну вот, видишь.

Она добавляет:

– Очень-очень.

– Знаю, – поспешно поцеловав ее в губы, направляюсь к двери.

– Я хотела тебе сказать, что пробуду здесь еще несколько

дней.

Эта женщина уже начинает меня утомлять.

– Будешь заниматься шопингом?

– Да... – она улыбается, потягиваясь от удовольствия. – И шопингом тоже...

Я не даю ей возможности продолжить фразу.

– Позвони мне как-нибудь, у тебя есть мой телефон.

И быстро выхожу. По лестнице спускаюсь уже немного медленнее. Снова один. Надеваю куртку и достаю сигарету. Оцениваю обстановку. Половина четвертого. За стойкой уже другой портье. Помоложе. Он дремлет, откинувшись на спинку стула. Выхожу на улицу и завожу мотоцикл. Чувствую на себе запах арбуза, ну и всего остального. Жаль, что мне не удалось поблагодарить вчерашнего портье. Ну, например, оставить ему чаевые, пошутить с ним, выкурить сигаретку. Может быть, я даже рассказал бы ему что-нибудь, какую-то историю, которыми делятся между собой мужчины. Может, и у него в прошлом были такие истории, которыми он делился со своим другом. Нет ничего приятнее, чем рассказывать пикантные детали другу. Особенно, когда не затронуто твое сердце. Это не то, что было с ней. О ней я никогда никому не рассказывал, даже Полло.

Снова эти мысли. Что делать, ничего тут не исправишь. Когда ты просто занимаешься сексом, невольно вспоминается та, настоящая любовь. Она настигает тебя без предупреждения. Является запросто и всегда неожиданно: невоспи-

танная и прекрасная, и нет ей равных. На миг я снова растворяюсь в этом свете, в голубизне ее глаз. Баби. Я вспоминаю тот день.

– Ну давай, иди, чего ты ждешь?

Сабаудия. Побережье. Мотоцикл стоит под сосной, у дюн.

– Ну так как, Стэп? Я не поняла, тебе брать мороженое или нет?

Я наклоняюсь, чтобы защелкнуть цепь на мотоцикле.

– Ну что ты, как глупенькая. Я же сказал. Нет, Баби, не надо, спасибо.

– Да я же знаю, что ты хочешь.

Баби, моя нежная упряmica.

– Но тогда прости, что же ты спрашиваешь? Подумай сама, неужели бы я сам не купил, если бы хотел, оно стоит копейки?

– Вот видишь, какой ты. Сразу о деньгах. Какой же ты меркантильный.

– Да нет же, я так сказал, потому что лед ничего не стоит. Так что, Баби, даже если возьмешь, в крайнем случае можно его и выбросить.

Баби возвращается с двумя морожеными в руках.

– В общем, я взяла два. Держи, мне – апельсиновое, тебе – мятное.

– Мятное ненавижу.

– Слушай, сначала ты говорил, что вообще не хочешь, а теперь капризничаешь из-за вкуса. Посмотрите-ка на него.

Увидишь, оно тебе понравится.

– Как я увижу, если я его не люблю!

– Ты сейчас так говоришь, потому что ты уперся. Бери, я тебя хорошо знаю.

Сначала она открывает мое и принимается его облизывать. Попробовав, она протягивает мороженое мне.

– М-м-м... Твое такое вкусное.

– Ну, так и возьми его.

– Нет, я сейчас хочу апельсиновое.

И лижет свое, с улыбкой глядя на меня. Вдруг вытягивается как струна – мороженое быстро тает, и она заталкивает его целиком в рот. Смеется. Потом ей снова хочется полизать мое.

– Слушай, дай мне немного твоего.

Она нарочно так говорит, и смеется, и трется о меня. Мы прислонились к мотоциклу, я расставляю ноги, она встает между ними, и мы целуемся. Мороженое тает, оно течет по пальцам. И каждый раз мы подставляем язык и слизываем то апельсин, то мяту. С пальцев, с запястья. Мягкая. Нежная. Она похожа на маленькую девочку. На ней длинное голубое парео с темным рисунком. Оно завязано на талии. Голубые босоножки, купальник тоже голубой и на шее – длинное ожерелье с белыми круглыми ракушками, одни – побольше, другие – поменьше. Они пританцовывают на ее теплых грудках. Она целует меня в шею.

– Ай!

Она положила мне холодный кусочек мороженого на живот.

– Маленький мой, ай... – передразнивает она меня. – Что такое? Я тебе сделала неприятно? Тебе холодно?

Я напрягаюсь, и ей становится еще смешнее. Мороженое скользит по мышцам живота, капля за каплей. Ну, я ей отомщу.

– Ай.

– Вот тебе еще немного мяты на бока.

И мы продолжаем мазать друг друга апельсином и мятой по спине, по шее, по ногам и потом – между ее грудей. Кусочек мороженого откалывается и устремляется под лифчик.

– Ой-ой-ой, какой же ты дурачок, это же мороженое!

– Конечно, мороженое. Ледышка!

И мы смеемся. И погружаемся в холодный поцелуй под раскаленным солнцем. И апельсин с мятой перемешиваются у нас во рту, а мы гибнем от восторга.

– Слушай, Баби, пойдем-ка.

– Куда это?

– Пойдем...

Я оглядываюсь налево, потом направо, быстро бегу через дорогу, увлекая ее за собой, она бежит, спотыкаясь, выдергивая босоножки из горячего асфальта. Мы убегаем от моря, от дороги и лезем наверх, в дюны. И бежим дальше. Потом останавливаемся недалеко от кемпинга для иностранных туристов. Там мы падаем на раскаленный песок, среди

выжженной травы, под солнцем-эротоманом. Я подстелил ее парео, и она опускается на меня, без купальника Она моя. Жара: пот стекает с нас, ручейками льется из-под светло-пепельных волос, вниз на ее уже загорелый животик, и еще ниже, в ее более темные завитки, и потом еще ниже – в мои... И потом – это сладостное удовольствие ее и мое. Баби медленно двигается на мне – вверх-вниз. Потом откидывает голову, улыбаясь солнцу. Радостная от того, что любима. И такая красивая в этом ореоле света. Мята. Апельсин. Мята. Апельсин. Мята... Апельсиинииин...

Хватит. Сгиньте. Оставьте меня. Воспоминания. Прошрое. Но меня оставляет и разум. Рано или поздно то, что ты старательно отбрасываешь, все равно настигает тебя. Самые глупые вещи, которые остаются в твоём прошлом, когда ты был влюблен, вспоминаются тебе как самые прекрасные. Потому что по своей простоте они не сравнимы ни с чем. И мне хочется кричать. В этой тишине, которая рождает боль, одну лишь боль. Ну хватит. Перестань. Разложи снова все по полочкам. Вот так. Теперь закрой. На два оборота. На самом дне души, там, за углом. В том саду. Там несколько цветков, немного тени и еще – боль. Умоляю, оставь все там, в потайном месте, так тебе не будет больно, и никто это не увидит. И ты не сможешь увидеть.

Ну вот. Вот ты все и запрятал. Теперь уже немного лучше. Я отъезжаю от гостиницы. Еду медленно. Виа Пинчана, виа Паизьелло, впереди – площадь Эвклида. На проез-

жей части – никого. Перед посольством припаркована полицейская машина. Один полицейский спит. Другой что-то читает. Добавляю газу. Проезжаю светофор, еду по виа Антонелли. Лицо ласкает свежий ветер. На миг закрываю глаза, и мне кажется, что я лечу. Делаю глубокий вдох. Как хорошо. Стюардесса обслужила меня безупречно. Ева. Растворившаяся в «пастельно-голубом». Красивая. С идеальным телом. И еще: мне нравится, когда женщина не стесняется своих желаний. Сладкая. Сладкая, как арбуз. Даже еще слаще. Въезжаю на корсо Франча. Наступила глубокая ночь Проезжаю акведук. Теперь чувствую, насколько похолодало. Несколько чаек кружат над Тибром. Усаживаются на мост. И застенчиво здороваются. Потом пикируют вниз, к воде. Слышны их негромкие крики: то ли призыв, то ли просьба. Сдавленные крики, как будто они боятся разбудить кого-то. Сбавляю газ и сворачиваю к Винья Стеллутти. И вдруг меня охватывает смех. Ева... как странно. Я даже не знаю ее фамилию.

11

А в Кастель-ди-Гвидо всюду идет праздник. В залах оглушительно играет музыка. Красные, фиолетовые, синие лучи света. Девушки танцуют гоу-гоу на тюках сена, они совершенно голые. Культурист закован в цепи, на его блестящем от масла теле лишь греко-романская набедренная повязка, он делает вид, что рычит, и пытается освободиться от цепей,

которыми прикован к стене. Дани и Джули кричат от восторга.

Голая девица верхом на своем ухажере пересекает зал. На диване, уединившись, парни и девушки пьют, смеются, целуются в полутьме, изредка освещаемые всполохами зеленого цвета, мигающего в такт музыке. Официанты в безукоризненных белых пиджаках ходят с подносами, предлагая разные алкогольные напитки высшего качества, начиная от рома «John Bally» до джина «Sequoia». Кикко берет на лету два бокала и выпивает до дна. И танцует, не сходя с места, высоко подняв руки.

– Классное местечко! Это преисподняя для богачей, а значит, только для нас... супер!

С этими словами он подхватывает Даниелу и крутит ее в темпе музыки, они смеются, он ее обнимает и нежно целует в губы. Потом отпускает, но она продолжает кружиться, не всегда попадая в такт.

– Подождите меня здесь, куколки, я возьму еще что-нибудь выпить!

Джули бросает взгляд ему вслед, потом оборачивается и молча смотрит на Даниелу.

– Дани, ты правда решилась?

– Уже ничего не поделаешь.

– Ах, вот как!

– Да нет же, он мне ужасно нравится, и нужно, чтобы все шло своим чередом, а ты только усложняешь.

– Я?

– А кто же еще? Я должна забыться. Но если я выпью, потом меня мутит.

– Дани, посмотри, это не Андреа Паломби?

– Да, он. Сто лет его не видела!

– Как он изменился! А что с ним случилось? Он с кем-то встречается?

– Нет, с тех пор, как мы расстались, у него депресняк.

– Вот видишь! И в первый раз тебе надо было сделать это с ним, он, по крайней мере, серьезно тебя любил. Сколько вы были вместе?

– Шесть месяцев.

– И что, за шесть месяцев не подвернулся удобный случай?

– Может, и подвернулся, но раз я так и хожу, значит, считай, что нет! Вот... И потом, такие вещи трудно рассчитать!

– А сегодня разве ты не считаешься?

– Хватит, ты меня достала. Так я никогда это не сделаю. Мне нужен экстази. Вот, именно это мне и надо.

– Точно. Я брала его на вечере Джады, да, он точно тебе поможет.

– И как он на тебя подействовал?

– Ничего особенного. Я прекрасно себя чувствовала. Со мной был Джованни, и мы занимались любовью. Классно с ним было.

– Да уж, ты была в экстазе.

– Да при чем тут это. Нам с Джованни всегда классно! Мне всегда было с ним хорошо с этой точки зрения, у нас полное сексуальное совпадение, понимаешь?

– Да уж, у него сексуальное совпадение со всем, что движется!

– Ну вот, теперь ты сама – язва. Тогда ты могла бы пойти с Джованни, и проблем бы не было.

– Хватит, давай не будем ссориться. Где мне его найти?

– Кого? Джованни?!

– Да нет... Экстази. Ты совсем отупела.

– Вон смотри, она торгует наркотиками.

– Кто?

– Барыга. Ты просто витаешь в небесах. Барыги – это те, у кого есть товар. Видишь ту, с косичками? Да не туда ты смотришь! Вон, рядом с пультом. Так вот, у нее есть все, что надо. Я видела ее на входе. Поняла, какая? Видишь?

– Угу, но она стоит рядом с Маддой.

– С кем?

– С Маддой Федеричи, которая подралась с моей сестрой два года назад.

– Ну а тебе-то что? Ты здесь при чем, прости меня? Просто они вместе работают. Поздоровайся с ней и увидишь, проблем не будет.

– Думаешь?

– Иди давай.

Даниела набирается храбрости и идет в другой конец зала.

Мадда замечает ее издалека. И сразу узнает. Она их никогда не забудет. Ни ту, ни другую. Она оборачивается к барыге.

– Софи, что у тебя осталось?

– Экстази и колеса.

– Видишь ту, что идет в нашу сторону?

Барыга смотрит на Даниелу.

– Ну и?

– Если она у тебя попросит что-нибудь, дай ей именно колеса.

– И сколько с нее взять?

– Твое дело.

Даниела подходит к ним. Останавливается. Барыга вскидывает подбородок, как бы говоря: «Тебе что-то надо?». Даниела сначала здоровается с Маддой.

– Привет, как дела?

Мама не отвечает. Даниела задает свой вопрос:

– Извини, я хотела узнать, есть ли у тебя экстази.

– А я хотела бы знать, есть ли у тебя деньги, – отвечает барыга.

– Сколько это может стоить?

– Пятьдесят евро.

– Хорошо, держи.

Даниела вынимает деньги из кармана брюк и дает ей. Деньги в один миг исчезают в кармане барыги. Потом она достает из браслета белую таблетку. Даниела берет ее и собирается уходить.

– Эй, стой, – Мадда перегораживает ей дорогу. – С этим нельзя ходить. Здесь глотай. Держи. – И она протягивает Даниеле недопитую бутылку пива.

Даниела смотрит на нее в волнении.

– А если с пивом, плохо не станет?

– Если уж ты сюда пришла, будет только хорошо!

Даниела сует в рот таблетку и делает большой глоток пива.

Переводит дыхание. Улыбается.

– Готово.

Мадда удерживает ее.

– Покажи. Подними язык.

Даниела повинуется. Мадда внимательно смотрит: да, в самом деле таблетка проглочена.

– О'кей, чао, иди развлекайся.

Ланиела идет обратно, и в это же время Кикко Бранделли подходит к Джули с двумя бутылками шампанского. Мадда и Софи продолжают следить за ней взглядом.

– Вот увидишь, у нее крыша съедет. Если ты никогда ничего не принимала, колеса так пробивают, что не помнишь даже, что делала.

– Ну и прекрасно. Так она передаст от меня привет своей сестрице.

– С тобой лучше не ссориться, да?

– Да. Я всегда отомщу. Вопрос времени.

– Ну ладно, Мадда, я пошла.

– А с последним экстази что будешь делать?

– Домой заберу. Дамиано сегодня рано вернется. По крайней мере, немного покувыркаемся.

– Флаг вам в руки. Можно последнюю просьбу? Ты знаешь, какая машина у Эрнесто?

– Да, такая синяя битая.

– Слушай, что тебе надо сделать...

Музыка грохочет в ушах. Дурь делает свое дело. Дани безудержно танцует перед Джули.

– Как ты?

– Как в сказке.

– И как она на тебя действует?

– А я знаю? Понятия не имею. Знаю только, что хочу трахаться. Хочу трахаться!

Даниела кричит и прыгает как сумасшедшая, иногда ее вопли перекрывает музыка, иногда – нет. И именно в этот момент она оказывается перед Андреа Паломби.

– Я хочу трахаться! – во все горло вопит Даниела.

Андреа улыбается ей.

– Наконец-то! – отзывается он эхом. – Я – тоже.

– Да, но с тобой не хочу!

И Даниела несется дальше, громко крича и прыгая от радости, поднимая вокруг себя шум, увертываясь от хватающих ее рук, выпивая протянутые ей бокалы, танцуя со всеми подряд, и, наконец, видит его лицо, его улыбку, попадает в его объятия и отдается его поцелуям... Да... Я тебя искала. Ты мне нравишься. Какой ты красивый. Она видит его свет-

лые волосы, потом — темные, потом — не видит вообще. Потом вдруг видит, что они в какой-то комнате и он раздевается. Потом понимает, что и сама раздевается. С матраса снимается целлофан, как обертка с мороженого, с мороженого, которое хочется лизать. И она облизывает его. Потом она лежит на спине на холодном матрасе. Чьи-то руки берут ее снизу, раздвигают ей ноги. И она чувствует, как они ее ласкают. Ой, как больно... Больно... Но и должно быть больно? Да, так надо, думает она. Вокруг — все то же странное море, и волны качают ее: вверх — вниз, вверх — вниз. И это тело на ней — тоже колышется. Она улыбается. И смеется. Ее волнует один лишь вопрос: завтра утром кто-нибудь напишет что-нибудь для нее на стене? Разве это не так обычно происходит? Любовное послание, только для нее... И она снова улыбается. Засыпая. Она еще не знает, что никакой надписи не будет, никакой. И даже имени его она не узнает.

Немного позже. На заре.

— Нет, этого не может быть! — Эрнесто вне себя бежит к своей синей машине. — Мне выбили стекло!

— Слушай, — говорит Мадда, садясь в машину, — да она вся разбита!

— Да ты не поняла, у меня украли чудный подарок, который я купил для тебя! Ты не представляешь, сколько я отдал за него! Это та куртка, розовая, которая так тебе нравилась!

— Так ты отстегнул тысячу евро за подарок для меня?! И

чего же ты хотел взамен? А? Ай, хитрец! Отвези-ка меня домой, я устала, спать хочу!

– Клянусь, Мадда, я тебе ее купил!

– Ну ладно, ладно. Слушай, я хочу домой, мне завтра рано уезжать.

– Куда?

– Во Флоренцию, я еду туда на неделю. Может, созвонимся, когда вернусь.

– И зачем ты туда едешь?

– Ну, по работе, развлечься, да мало ли еще зачем. А почему ты меня допрашиваешь? Слушай, не надо меня утомлять... ты вечно меня душишь, оставь меня в покое!

И Мадда выскакивает на ходу, останавливает первую попавшуюся машину. И это машина Менджони. Тем лучше, она уедет с ним.

Эрнесто едет следом, крича:

– Куда ты? Подожди!

Мадда улыбается про себя. Чего ждать-то? Розовая курточка уже у нее дома. И не надо ее дожидаться. Какой чудный вечер! Сказочный! Здорово я влепила младшей Джервази! Просто класс! Мадда еще не знает, какому кошмару она положила начало.

не. Мой брат. Он старается не шуметь, моя посуду; я представляю себе, как он ставит тарелки на стол и закрывает ящики. Мой брат – как женщина. Он так же внимателен, как моя мама. Мама. Я не видел ее два года; интересно, какие у нее сейчас волосы? В тот последний год она часто меняла их цвет. Она следовала моде, прислушивалась к советам подруг, смотрела фотографии в журналах. Никогда не понимал, почему женщины так зациклены на волосах. Я вспоминаю фильм с Лино Вентурой и Франсуазой Фабиан «Женщина и каналья» 1970 года. Он попадает в тюрьму. Она едет к нему. Затемнение. Слышны только их голоса.

– Что такое? Почему ты так смотришь на меня?

– У тебя новая прическа.

– Я тебе не нравлюсь?

– Не в этом дело. Когда женщина меняет прическу, это значит, что скоро она поменяет и мужчину.

Я улыбаюсь. Моя мать много раз видела этот фильм. Возможно, она восприняла эти слова всерьез. Одно точно: каждый раз, когда я ее вижу, у нее новая прическа. Паоло подходит к двери, тихонько, стараясь не скрипеть, открывает ее:

– Стефано, будешь завтракать?

Поворачиваюсь к нему:

– Что-нибудь вкусное приготовил?

Он немного смущен:

– Думаю, да.

– Ну ладно, тогда иду.

Он никогда не понимает, когда я шучу. Не то что мама. Влезаю в худи и остаюсь в трусах.

– Ужас, как ты похудел.

– Не начинай... Ты уже это говорил.

– Мне тоже надо было бы съездить на годик в Америку, – он захватывает двумя пальцами складку на животе. – Смотри.

– Власть и богатство откладывают жирок.

– Ну, тогда я должен был быть худышкой. – Он пытается свести все к шутке. В этом он тоже не похож на маму, потому что ему это не удастся. – О чем думаешь?

– Что ты классно накрываешь на стол.

Довольный, он усаживается рядом.

– Да, я люблю это...

Он передает мне чашку с кофе. Я беру и добавляю туда немного холодного молока, даже не попробовав; вонзаю зубы в большой шоколадный бисквит.

– Вкусно.

– Это с горьким шоколадом. Я взял их для тебя. Я их не люблю. Мама всегда тебе их брала, когда мы все жили вместе.

Я молча пью кофе с молоком. Паоло смотрит на меня. Кажется, он хотел что-то добавить. Но передумал и начал готовить себе капучино.

– Вчера вечером тебе звонила эта девушка, Ева Симони, она позвонила тебе на сотовый?

Ева. Оказывается, она Симони. Мой брат знает даже ее фамилию.

– Да, дозвонилась.

– Ты виделся с ней?

– К чему все эти вопросы?

– Просто интересно, у нее красивый голос.

– И все остальное не хуже, – я выпиваю кофе. – Пока, Па, увидимся.

– Везет тебе.

– В смысле?

Паоло поднимается из-за стола и убирает посуду.

– Ну, что ты можешь так жить: делать все, что хочешь, развлекаться. Сначала ты уехал, теперь в таком подвешенном состоянии, ничего определенного.

– Да, мне везет.

Я ухожу. Я мог бы много чего ему сказать. Я мог бы вежливо объяснить ему, что то, что он сказал, – это немыслимая, ужасная, позорная тупость. Что свободы ищет лишь тот, кто чувствует себя в плену. Но я устал. Сейчас не хочу ничего говорить, просто не могу. Я вхожу в комнату, смотрю на часы на тумбочке, и тут только до меня доходит.

– Блин, ты меня разбудил, а еще только девять часов?

– Да, мне скоро на работу.

– Но мне-то никуда не надо!

– Я знаю, но поскольку тебе надо ехать к папе... – он растерянно смотрит на меня. – Я разве тебе не говорил?

– Ничего ты мне не говорил.

Он все еще неуверенно, с сомнением смотрит на меня: говорил или не говорил? Он или вправду уверен, что говорил, или мой брат великий актер.

– В общем, он ждет тебя к десяти. Хорошо, что я разбудил тебя, правда?

– Неправда. Спасибо, Паоло.

– Да не за что.

Ни малейшего чувства юмора. Он продолжает убирать чашки и кофейник в мойку: все аккуратно составляет в правую раковину, строго в правую.

Потом возвращается к разговору.

– А что ты не спросишь, почему папа хочет увидаться именно в десять? Тебе не интересно?

– Ну, если он хочет меня видеть, думаю, он сам мне скажет.

– Ну да, все правильно.

Видно, что он немного обиделся.

– Ну ладно, скажи мне, почему он хочет меня видеть?

Паоло заканчивает мыть посуду и поворачивается ко мне, вытирая руки полотенцем. У него радостное лицо.

– Вообще-то я не должен тебе говорить, это сюрприз, – он замечает, что я захожусь. – Но я все же скажу, мне так хочется! Думаю, он нашел тебе работу! Ты доволен?

– Ужасно.

Во всяком случае, чувствую себя лучше. Мне удастся со-

хранить самообладание даже при таком известии.

– Ну, и что скажешь?

– Что, если мы не прекратим болтать, я опоздаю.

Иду собираться.

– Ты счастлив? – очень сложный вопрос.

«Чтобы быть счастливым, – говорит Карен Бликсен¹⁰, – нужна смелость». Ты счастлив?.. Только мой брат мог задать такой вопрос.

13

Без одной минуты десять. Над кнопкой звонка – моя фамилия. Но это дом моего отца. Фамилия написана ручкой, небрежно, без всякой фантазии, без чувств. В Америке так бы не написали. Но это неважно. Мы в Риме, на маленькой площади у корсо Триесте, недалеко от магазина, где продается контрафактная одежда. Она громоздится на витрине с ценниками в 29,90 евро. Как будто эти олухи не понимают, что за тридцать евро можно купить только отстой. Коммерсантские душонки, хитрые, на лице – вечная улыбочка. Звоню в домофон.

– Кто там?

– Привет, папа, это я.

– Ты пунктуален. Америка тебя изменила, – он смеется.

¹⁰ Датская писательница (1885–1962). Автор религиозных притч о творческом и счастливом уделе человека, чем бы он ни занимался в обыденной жизни.

Мне хочется развернуться и уйти, но я этого не делаю.

– На каком ты этаже?

– На третьем.

На третьем. Вхожу в подъезд и закрываю за собой дверь. Странно, мне никогда не нравился третий этаж. Он находится на полпути между аттиком и садом, там мрачно и неуютно. Одолеваю два пролета. Здесь стоило бы поставить лифт. Половину прошел. Никакой пользы для того, кто хочет заниматься спортом, и крайне неудобно для тех, кто не хочет. Папа стоит у раскрытой двери и ждет меня.

– Привет.

Он взволнован и крепко меня обнимает. Долго держит в объятиях. Слишком долго. У меня подступает комок к горлу, но я держусь. Думать об этом не хочу. Он слегка хлопает меня по плечу:

– Ну, как дела?

– Прекрасно. А ты, как ты?

– Хорошо. Как тебе этот дом? Я переехал сюда уже полгода назад и мне здесь нравится. Я все оборудовал здесь сам.

Я хотел было сказать: «Это заметно», но удержался. Мне-то что за дело?

– Тут удобно – квартира небольшая, около восьмидесяти метров, но мне в самый раз, я ведь почти всегда один.

Смотрит на меня. Он надеется, что это «почти всегда» даст тему для разговора. Не дало. Если это говорилось для меня... Значит, вот здесь он уединился. Он улыбается и про-

должает:

– Я нашел эту квартиру, купил, и знаешь что? Я всегда думал, что третий этаж мне не нравится, а на самом деле он лучше всего. Он более... изолирован.

Надеюсь, он не спросит меня, что я думаю на этот счет. Он, должно быть, слышал это сотни раз. Я ненавижу эти разговоры.

– Здесь удобнее, спокойнее.

Тот, кто использует слишком много прилагательных, обычно хочет оправдать свой неправильный выбор.

Мне вспоминается одна фраза Саши Гитри¹¹: «Есть люди, которые говорят, говорят, говорят. Пока не найдут, что сказать».

– Да, я согласен.

Слова мои относятся к цитате, но отец этого не узнал: она пронеслась у меня в голове. Ему я ее не скажу.

Он улыбается.

– Ну?

Я смотрю на него в унынии. Ну? Что значит вопрос «ну?». Я помню, когда учился в лицее, у нас был такой Чиро Монити: он сидел за первой партой и все время повторял: «Ну? Ну?»

А Иннаморато, он сидел за ним, отвечал ему: «Баранки гну!». И смеялся. Самое ужасное, что тот тоже смеялся. И это повторялось каждый день. Не знаю, встречаются ли они

¹¹ Французский писатель, актер и режиссер (1885–1957).

сейчас. Боюсь, они до сих пор так шутят... Ну? Ну, я люблю своего отца. Блин, как неудобно сидеть в этом кресле. Но я терплю.

– Ты не представляешь, как здорово было в Нью-Йорке. Просто отлично.

– Там хоть был кто-нибудь?

Я смотрю на него, не понимая.

– Я имею в виду – итальянцы.

Слава Богу, а то я испугался.

– Да, много, но они не похожи на тех, к которым мы при-
выкли здесь.

– В каком смысле – не похожи?

– Ну, не знаю. Они умнее, внимательнее. Говорят меньше ерунды. Ездят много, приветливы, рассказывают о себе...

– Что значит – рассказывают?

Если бы мы хотя бы сидели за столом. За столом я мог бы простить любого. Даже своих родителей. Кто это сказал? Когда я учился в лицее, меня эта фраза насмешила. Может, Оскар Уайльд? Кажется, я этого не перенесу. Попробую все же.

– Они не скрывают чувств. Смотрят жизни прямо в лицо. И потом... Они признают свои трудности. Не случайно у них у всех есть психоаналитики.

Отец смотрит на меня озабоченно.

– Ты что, тоже ходил к ним?

Мой отец всегда задает вопросы не по делу.

Я его успокаиваю:

– Нет, папа, я не ходил.

Я хотел было добавить: «Но может, мне бы и следовало к ним сходить. Как знать, может, американский психоаналитик смог бы понять мои итальянские проблемы». А может быть, и нет. Я хотел сказать это, но не сказал. Я не знаю, сколько мы еще просидим. Не стоит усложнять.

– Я не американец. А мы, итальянцы, слишком горды, чтобы признаваться, что в ком-то нуждаемся.

Он обеспокоенно молчит. Мне это не нравится. Тогда я пытаюсь помочь ему, чтобы он не подумал, что в чем-то виноват.

– И потом, извини, зачем выбрасывать деньги на ветер? Ходить к психоаналитику и сидеть, не понимая, что он там лопочет по-английски... Вот это, действительно, значило бы сдвинуться по фазе! – Он смеется. – Я предпочел потратить деньги на языковые курсы – я их выбросил на ветер, но, по крайней мере, не обольщался, что почувствую себя лучше!

Отец снова смеется. Но такое впечатление, что, как-то через силу. Даже не знаю, каких слов он от меня ждал.

– Знаешь, иногда мы и самим себе не можем признаться в своих проблемах.

Он становится серьезным.

– Это верно.

– Я читал, что именно по этой причине в церкви все реже исповедуются.

– Ну да... – он не очень этому верит. – Где это ты такое прочитал?

Так я и знал.

– Не помню уже.

– Тогда вернемся к нашим делам.

А куда мы уходили? «Вернемся к нашим делам...» Как странно звучит. Меня мутит. Сидеть неудобно. Отец. Я начинаю нервничать.

– А Паоло ничего тебе не сказал?

– О чем? – солгать отцу. Это ведь порицалось на исповеди. Но я не хожу в церковь. Больше не хожу. – Нет, ничего не говорил.

– Ну ладно... – лицо его озаряется улыбкой. – Я нашел тебе работу.

Стараюсь разыграть удивление:

– Спасибо. – И улыбаюсь. Мне бы актером стать. – Можно узнать, о чем речь?

– Конечно. Глупый вопрос. Я подумал, поскольку ты был в Нью-Йорке и окончил курс компьютерной графики и фотографии... правильно?

Неплохо. Он тоже не в курсе, чем занимался его сын в Нью-Йорке. А ведь ежемесячно оплачивал обучение.

– Правильно.

– Так вот. Идеально было бы найти что-нибудь, соответствующее тому, что ты изучал. И я нашел! Тебя берут на телевидение – будешь отвечать за компьютерную графику и

дизайн!

Он говорит это так, будто переводит на итальянский речь во время церемонии вручения «Оскара»: And the winner is... Победителем становится... я?

— Ну, естественно, — пока ассистентом. То есть будешь следить за всем, что связано с графическим компьютерным дизайном и разными изображениями, думаю, так.

Значит, я не победитель. Я во второй классификации. «Спасибо, папа, мне кажется, это то, что надо».

— Или что-то в этом роде, точно не могу объяснить.

Как обычно, приблизительно. Неточно. Недалеко от истины или что-то в этом роде. Отец. Интересно, понял ли он, что же случилось с мамой? Думаю, нет. Иногда я спрашиваю себя, а что во мне от него? И представляю, как я был зачат: смотрю на него и представляю его на маме. Смешно. Если бы он знал, о чем я думаю. Звонит домофон.

— Наверное, это ко мне.

Отец быстро встает, на лице — легкая озабоченность. И правда, к кому бы это могли прийти? Я здесь больше никого не вижу, прямо как Алиса в стране чудес. Отец возвращается, но не садится. Остается стоять, нервно потирая руки.

— Слушай, не знаю, как сказать, но есть один человек, с которым я хотел бы тебя познакомить. Немного неудобно говорить это собственному сыну, но представь, что мы с тобой друзья. В общем, это женщина.

Он смеется, чтобы разрядить атмосферу. Я тоже не соби-

раюсь ее отягчать.

– Конечно, папа, какие могут быть проблемы... мы и есть друзья.

Я замолкаю. Он стоит и смотрит на меня. Я не знаю, что сказать. Отец отводит взгляд. В дверь звонят, и он идет открывать.

– Вот. Это Моника.

Красивая. Не очень высокая, много косметики. Сильно надушена, одета не стильно, волосы слишком взбиты, губы слишком ярко очерчены карандашом. Она улыбается, зубы тоже не очень. Да и вообще, не такая она и красивая. Я встаю, как учила меня мама, и мы пожимаем друг другу руки.

– Очень приятно.

– Я так много слышала о тебе, ты ведь недавно вернулся?

– Вчера.

– И как там было?

– Хорошо, очень хорошо.

Она спокойно усаживается, скрестив ноги. Ноги длинные, очень красивые, туфли заметно поношенные, даже слишком. Я читал, что по обуви можно точно определить, насколько человек элегантен. Я много читаю, но никогда не помню, где что прочел. Ах да, это было в «Class», в самолете. Интервью с одним вышибалой. Он говорил, что по обуви всегда определяет, можно ли пускать человека в их заведение. Ее бы не пустили.

– А ты долго был в Нью-Йорке?

– Два года.

– Долго, – она, улыбаясь, смотрит на отца.

– Но они быстро пролетели, не страшно.

Надеюсь, она больше не будет задавать вопросы. Похоже, она поняла мою мысль и замолкает. Вынимает из сумочки пачку сигарет. Синяя «Diana». Здесь бы вышибала тоже задумался. Зажигает сигарету цветной зажигалкой и после первой затяжки осматривается. Она делает это просто, чтобы всем было понятно, что ей, на самом деле, ничего не надо.

– Держи, Моника, – отец хватает пепельницу с тумбочки и устремляется к ней.

– Спасибо, – она пытается стряхнуть пепел в пепельницу. Но еще рановато.

На сигарете отпечаталась ее красная помада. Ненавижу отпечатки помады на сигарете.

– Ладно, я пошел, до свидания.

– Пока, Стефано, было очень приятно познакомиться, – она слишком приторно улыбается. И провожает меня взглядом.

– Подожди, я тебя провожу.

Мы с отцом идем к двери.

– Мы познакомились несколько месяцев назад. Знаешь, я ведь четыре года был без женщины. – Он смеется.

Каждый раз, когда ему в чем-то трудно признаться, он смеется. А что тут смешного? И еще: он слишком строго себя судит. Кажется, так он пытается себя убедить в правиль-

ности своего выбора. Впрочем, мне нет до этого никакого дела. Мне не терпится отвалить.

— А она симпатичная...

Он что-то мне о ней рассказывает. Но я не слушаю. А он говорит, говорит, говорит. Я думаю о другом. Я вспоминаю, как однажды когда я был маленьким, мама шутила с ним в столовой. Потом она стала убегать от него, а он — догонять, по коридору, к спальне, а я бежал за папой и кричал: «Давай догоним ее, возьмем ее в плен!». Потом они сражались у двери. Мама смеялась и хотела закрыться в спальне, а отец пытался войти. И тогда мама оставила дверь и побежала к ванной. Но он догнал ее и бросил на кровать. И отец смеялся, потому что она начала его щекотать. Я тоже смеялся. Потом пришел Паоло. И мама с папой велели нам уйти из комнаты. Они сказали, что им надо поговорить, но при этом хохотали. Тогда мы с Паоло пошли играть в свою комнату. Через какое-то время они пришли к нам. Но разговаривали как-то медленно, тихо, они словно размякли тогда. Я помню их в странном освещении, как будто они сияли. Их волосы, глаза, улыбки-все светилось. И они тогда сели играть с нами — а мама обнимала меня, смеялась и без конца причесывала мне волосы. Она с силой зачесывала их назад, чтобы открыть лицо. Она мне мешала играть, но я ничего не говорил. Потому что ей это нравилось. И еще потому, что она была моей мамой.

— Папа, извини, но мне надо бежать... — я перебиваю его

на полуслове.

– Ну, ты все понял? Запомнил время? В два часа у «Ванни». Тебя будет ждать господин Романи по поводу программы.

Вот он о чем говорил...

– Да, конечно, я понял. Господин Романи, в два часа у «Ванни». – я перевожу дыхание. – Извини, ладно?

Потом быстро спускаюсь по лестнице, ни разу не обернувшись. Еще миг, и я сижу на мотоцикле. Поскорее уехать отсюда. Мне хочется уехать как можно дальше. Я переключаю передачи и, сам не знаю почему, мне это доставляет больше удовольствия, чем обычно.

14

Баби, куда же ты делась? В одной хорошей песне говорится, что и в большом городе можно встретиться случайно. Я целыми днями ношусь по городу. Сам того не осознавая, ищу ее. Эта песня сыграла со мной злую шутку. Баби и след простыл. Против воли я оказался под ее окнами. Теперь тут нет ни клумбы, ни привратника. Только опущенная решетка. Рядом, там, где раньше был гараж, – новый магазин одежды. Даже Ладзарески больше нет. Зато есть новый ресторан, «Джачини». Элегантный, белоснежный: он как будто призывает всех, кто его видит, стать лучше. Но я остаюсь как есть: в куртке Levi's, порванной в нескольких местах, верхом на

мотоцикле с тихо урчащим глушителем.

– Эй, а ты случайно не Стэп?

Оборачиваюсь и выкатываю глаза от удивления. Бог мой, кто это такая? Я сижу на мотоцикле перед газетным киоском, а ко мне подходит этакая смешная сидушка, со светло-каштановыми волосами и лицом балованного ребенка – руки в боки, и вид такой, будто бы я чего-то не понимаю.

– Ну, так что: это ты или нет?

– А ты-то кто такая?

– Меня зовут Мартина, я здесь живу в Стеллари. Ты можешь ответить на вопрос?

– А почему ты спрашиваешь?

– Ты можешь ответить... или ты боишься?

Меня разбирает смех. Крута. Ей от силы лет одиннадцать.

– Да, я Стэп.

– Правда – Стэп? Неужели? Правда? Поверить не могу...

Быть не может.

Я смотрю на нее с любопытством. Это я никак не могу поверить.

– А что такое?

– Да ты, наверно, не помнишь меня, это было года два назад, я сидела у подъезда этого дома с двумя подружками и ела пиццу с помидорами, а ты пробегал навстречу и сказал: «М-м-м, какая аппетитная пицца», а я ничего тебе не ответила, хотя много чего подумала, и хотела даже дать тебе ее попробовать!

– А может, я хотел есть...

– Нет, это здесь не причем.

– Ну, тогда я вообще ничего не понимаю.

– Да я просто хотела тебе сказать, что для меня, нет, для нас, – то, что ты сделал – круто. Мы говорим об этом с подружками, честно, – об этой надписи на эстакаде над корсо Франча... Супер. Три метра над небом. Мама дорогая, мы постоянно про нее вспоминаем. Но как ты до такого додумался? То есть, это действительно ты сделал?

Я не знаю, что ответить, но это неважно. Тем более, что она мне и не дает ничего сказать.

– Это самая крутая надпись какую я видела в жизни. Когда мама провожала меня в школу, я на нее всегда смотрела. А потом, ты знаешь, кто-то сделал такую же! То есть, содрал с тебя! И в других местах в Риме уже есть такие надписи, честно. С ума сойти, их уже несколько! Одна моя подруга сказала летом, что видела такую же у себя в городе на море.

– Честно говоря, я не хотел устанавливать моду.

Представляю, что бы подумали мои друзья, если бы увидели меня сейчас – как я разговариваю с этой сикушкой... И, тем не менее, мне приятно.

– Вот... хоть это и глупо, но мы все мечтаем о парне, который сделает такую надпись для нас... Но такого фиг найдешь! – Она смотрит на меня с улыбкой. По ее мнению, она отвесила мне комплимент.

– Вон, смотри...

Она украдкой указывает на мальчишку, сидящего у входа в дом. Он сидит на цепи, соединяющей тумбы ограждения. Раскачивается, отталкиваясь от земли кроссовками. У него длинные волосы, собранные в подобие косички с цветной ленточкой на конце, и он довольно пухленький.

– Его зовут Тома, мне он очень нравится, и ему это известно.

Парень замечает ее и улыбается ей издали. Вскидывает вверх подбородок, как бы здороваясь с ней. Видно, что ему интересно, о чем это Мартина разговаривает со взрослым парнем.

– Да, по-моему, ему это известно. Он специально дурачится с моими подружками и злит меня. Если только узнаю, кто ему это сказал... Но пока не уверена, что это серьезно... Во всяком случае, ему и в голову бы не пришло написать такое.

Я смотрю на Мартину и думаю: сколько же ей еще предстоит пережить. Думаю о красоте ее первой любви, о том, что ее ждет, о том, что все мы думаем, что любовь никогда не кончается.

– Самое большее, на что он способен – это делать тупые надписи для своей спортивной команды. И еще, знаешь что? Это я тебе обязательно должна рассказать. Однажды мои родители, которые живут вместе уже сто лет, или около того... так вот, однажды они ругались дома, как бешеные, а я сидела у себя в комнате и все прекрасно слышала, и мама вдруг сказала отцу: «Ты меня никогда не любил, ты просто все рас-

считал: увидел, что я порядочная девушка, и тебе будет со мной хорошо... но это – не любовь, слышишь? Любовь это не расчеты, как у кассы в магазине. Любовь – это когда крышу сносит, когда делаешь невообразимые вещи, например, как та надпись на мосту. Я и ты... Три метра над небом. Вот что такое любовь». Так она ему сказала, понял? Классно, да? Что ты думаешь, Стэп? Мама ведь права?

– Эта надпись была для одной девочки.

– Да знаю я, для Баби. Она здесь живет, в Стеллари, в доме четыре, я ее знаю и часто вижу. Я знаю, что это была твоя девушка, я все знаю.

Она начинает меня утомлять. Что она может знать? Что она знает? Мне нет до этого дела.

– Ладно, спасибо, Мартина, мне надо ехать.

– Вот мы с девчонками и говорим, что ей здорово повезло. Такая надпись. Если бы мне мой парень написал такое, я бы ни в жизнь с ним не рассталась. Можно тебя спросить?

Я не успеваю ответить.

– Ну почему же вы расстались?

Отвечаю не сразу. Завожу мотор. Это единственное, что я могу сделать.

– Не знаю. Если бы знал, обязательно бы тебе ответил.

Кажется, она всерьез разочарована. Но снова улыбается.

– Ладно, если когда-нибудь будешь проезжать мимо, может, съедим по пицце с помидорами, а?

Смотрю на нее с улыбкой. Мы с Мартиной, одиннадцати-

летней девчонкой, едим вместе пищу. Друзья мои офигели бы. Но я ей ничего не говорю. Пусть, хотя бы в этом возрасте у нее будут мечты.

– Обязательно, Мартина, если буду проезжать мимо...

15

Паоло нет дома. Может, он не вернется к ужину. В квартире-идеальный порядок. Офигительный. Собираю сумку. Носки, шорты, худи, трусы, футболочки. Футболочки. Полло всегда смеялся надо мной за то, что я люблю уменьшительные суффиксы. «Поедем на прогулочку. Кофейку не желаете? Мне бы две ручечки...» Наверное, это от мамы. Однажды я сказал об этом Полло. Он рассмеялся. «Если ты женщина, – сказал он, – ты всегда останешься женщиной». И мама моя засмеялась, когда я ей это рассказал. Закрываю сумку на молнию. Я скучаю по тебе, Полло. Я скучаю по своему лучшему другу. И не могу сделать так, чтобы он вернулся. Не могу повстречаться с ним. Беру сумку и выхожу. Пропади все пропадом, не хочу об этом думать. Смотрю в зеркало, пока спускаюсь в лифте. Да. Думать ни о чем не хочу. Напеваю одну американскую песенку. Слова не помню. Я только ее и слушал в Нью-Йорке. Это старая песня Брюса. Блин, когда поешь, становится лучше. Я хочу, чтобы мне было хорошо. Выхожу из лифта с сумкой на плече. Напеваю: «Needs a local hero, somebody with the right style...». Да, что-то в этом роде.

Какая разница? Поллю больше нет. Нашего местного героя. «Lookin' for a local hero, someone with the right smile...» Мне бы так хотелось поговорить с ним, но это невозможно. А вот моя мать живет где-то неподалеку, но мне совсем не хочется с ней разговаривать. Пробую снова... «Lookin' for a local hero». Вот блин, не выучил ни одного слова из этой песни.

«Flex Appeal» – мой спортивный зал, наш спортивный зал. Наш с друзьями. Слезая с мотоцикла. Немного волнуюсь. Что тут может измениться? Может, новые тренажеры появились? И кого я тут встречу? Останавливаюсь на миг на площадке перед входом. Застекленная дверь потускнела, словно утомилась и вспотела.

В большом зале девчонки танцуют под какую-то американскую музыку. Среди них затесалось двое парней, они отчаянно пытаются попасть в ритм bodywork Jim. Именно так, согласно пришпиленному на двери листку, называется то, чем они занимаются. На них тапочки, боди, спортивные костюмы и топы почти всех известных фирм. Похоже на показ мод. Arabesque, Capezio, Gamba, Freddy, Magnum, Paul, Sansha, So Danca, Venice Beach, Dimensione Danza. Как будто, если на тебе модный лэйбл, ты будешь лучше танцевать. И как это двум мужикам не стыдно беспомощно прыгать среди этих телок. В облегающих цветных боди, с безупречным макияжем, или в черных майках, стретчах и спортивных костюмах. И среди них-два мужика в трико. Один – волосатый, второй – не очень. На них – широкие майки, скрыва-

ющие животы. Они прыгают вразнобой, задыхаясь и пытаюсь попасть в ритм. Но не попадают. Такое ощущение, что с самого рождения от них скрывали, что на свете существует ритм. Короче, им нелегко. Я иду дальше. За стойкой сидит парень: длинные, с крашеными прядями, волосы, загорелое лицо. Он самозабвенно разговаривает по мобильнику, по всему виду, с женщиной. Заметив меня, он продолжает разговор, потом поднимает взгляд и извиняется в трубку перед некой «Федой».

– Слушаю вас.

– Я хотел бы купить абонемент. На месяц.

– Вы у нас были когда-нибудь?

Оглядываюсь вокруг, потом снова смотрю на него.

– А Марко Туллио нет?

– Нет. Завтра утром можете его увидеть.

– Хорошо, тогда я лучше завтра запишусь, я его ДРУГ.

– Как угодно...

Ему по барабану, деньги-то не его.

Иду в раздевалку. Два парня переодеваются перед тренировкой. Они шутят и смеются. Болтают о какой-то девчонке.

– Прикинь, мы ужинали в пиццерии Монтекарло. Знаешь? Так вот, у нее то и дело звонил телефон. Это мужик, он военный. А она несла ему какую-то хренотень.

– Да ладно!

– Правду говорю.

Я переодеваюсь и слушаю, но уже знаю, чем все закончит-

ся.

– А она все время повторяла: «Да нет же, нет, я ужинаю с Дорой. Ну, помнишь, парикмахершей»...

– Да ладно, а он?

– А что он может сделать? Он ей верил. Потом мы пошли к ней домой, и пока она мне делала минет, телефон снова зазвонил.

– И что ты?

– Я? Я ответил, а что же еще!

– И что ты ему сказал?

– Мне жаль, но в данный момент она не может ответить: она разговаривает с Дорой.

– Да ладно! Супер! – и они смеются.

– С тех пор я называю свой член Дорой. А вот и он... – он вынимает его и показывает другу. – Чао, Дора, поздоровайся с Марио!

Они хохочут как ненормальные; парень с «Дорой», держа ее в руках, прыгает босиком по мокрому полу. В конце концов, он поскальзывается и падает. Его приятель захлебывается в хохоте, а я иду к тренажерам.

– Держи ключи, я их сюда кладу, – бросаю ключи от шкафчика с одеждой в коробочку на письменном столе.

Парень за стойкой, продолжая болтать по телефону, кивает. Потом, решив сказать мне что-то, прикрывает трубку рукой.

– Эй, шеф, сегодня можешь позаниматься так, но завтра

оформи абонемент.

Он смотрит на меня, довольный собой – он тут основной, круче тучи – и с дебильной улыбочкой продолжает телефонный разговор. Повернулся ко мне спиной. Хвастается. Смеется. До меня доносятся его последние слова: «Слышала, Феда? Пришел тут и думает, что он у себя дома».

Он не успевает закончить. Я беру его за волосы. Пригорюшней. Поднимаю со стула. Он стоит в положении «смирно», голова слегка повернута ко мне. Волосы, зажатые в моей руке, причиняют ему дикую боль, я знаю. Я помню это ощущение. Но сейчас это его волосы, не мои.

– Положи трубку, скотина.

Он говорит через силу:

– Я перезвоню, извини, – и нажимает отбой.

– Так вот. Во-первых, этот дом мой. И потом... – Я сжимаю его волосы еще сильнее.

– Ай-ай, мне больно.

– Я хочу, чтобы ты зарубил себе на носу: никогда больше не называй меня шефом. Понял?

Он пытается кивнуть, но получается лишь невнятное движение. Для убедительности я тяну еще сильнее.

– Не слышу... Ты понял?

– А-а-ай.... Да.

– Не слышу.

– Да! – он почти орет от боли. На глазах – слезы.

Мне даже немного его жаль. Слегка толкаю его и отпус-

каю. Он плюхается на стул. Массирует себе голову.

– Как тебя зовут?

– Алессио.

– Ну, давай, улыбнись, – я даю ему две легкие пощечины, – можешь снова звонить ей, если хочешь, скажи, что ты тут разобрался, выгнал меня из спортзала, говори, что хочешь, но... не забудь. Никогда не называй меня шефом.

И тут слышу голос за спиной:

– Потому что тебе следовало бы знать его. Это Стэп.

Удивленно оборачиваюсь, хотя и готов, если надо, к обороне. Не ожидал услышать свое имя. Я не видел тут никого из своих друзей, никого, кто бы мог знать мое имя. А вот, поди ж ты, кто-то знает. Он худой, совсем бестелесный. Высокий, с длинными руками, прическа самая обыкновенная, густые брови, сросшиеся у переносицы, длинный нос, широкий рот с тонкими губами. Может быть, рот кажется таким широким, потому что он улыбается. Похож на француза. Уверенный в себе, спокойный, руки в карманах, веселый взгляд. На нем длинные спортивные брюки и разодранное полинявшее худи. Сверху накинута светлая куртка Levi's. Не знаю, что о нем и думать.

– Не помнишь меня?

– Нет, не помню.

– А ты посмотри получше, может, я просто вырос.

Я смотрю на него внимательнее. У него на лбу прикрытый волосами шрам – ничего серьезного. Он замечает, куда

я смотрю.

– Это я попал в аварию, ты приходил ко мне в больницу.

Блин, как же я мог его забыть!

– Гуидо Балестри! Сто лет... мы же в школе учились.

– Да, и еще два года в лицее. Потом я ушел.

– Ты экзамены не сдал? Я что-то не помню.

– Нет, я к отцу устроился.

Ах, да, точно. Как же! Балестри. Его папаша большая шишка, не помню где; он из тех, кто вращается среди всяких там кредитов, акций, и тому подобного. Он все время ездил за границу.

– Ну, как ты?

– Нормально, а ты?

– Да тоже нормально. Рад тебя снова встретить. Я много о тебе слышал, Стэп. Здесь, в Винья Клара, ты уже легенда.

– Ну, не сказал бы.

Перевожу взгляд на Алессио. Он наводит порядок на столе и делает вид, что ничего не слышит. То и дело прикасается к волосам. Гуидо смеется.

– Он не в счет. Ты легенда для тех, кто знает о наших приключениях. Тут до сих пор вспоминают те фантастические драки... Я помню, как ты навешал Тоскано в лесу за Виллой Фламиния.

– Да мы мальчишки были...

Гуидо немного разочарован.

– Я слышал, ты был в Нью-Йорке.

– Да, меня тут не было два года.

– Давай встретимся вечером. Мы тут небольшой компанией собираемся в одно местечко. Не хочешь с нами?

– А кто там будет?

– Да все с Виллы Фламиния. Наверняка ты многих помнишь: Пардини, Блансо, Манетта, Цурли, Бардато. Кто с подругами, кто – без. Давай, соглашайся, блин, все будут рады тебя видеть. Мы едем в «Acqua delle donne».

– Никогда там не был.

– Это очень красивое место, если у тебя есть подруга, бери и ее. Место офигенное. Сначала мы поедим потом... классно погуляем... И десерт ты заработаешь... но у нее дома.

Ему удалось рассмешить меня.

– Когда вы едете?

– Около девяти.

– Я поеду поужинать, а гулянки меня не интересуют.

– То есть ты без подруги.

У него немного странный смех. Я помню, раньше он был пошутрее. У него передний зуб был сломан, и он не допускал излишнюю фамильярность. Теперь я его припоминаю. Мы звали его Корка. Нескладный, неспортивный – бег для него был настоящей катастрофой. Помню, когда у нас проводили урок физкультуры на стадионе в Вилла Фламиния, он финишировал в последних рядах. «Поросята» – так их называл Черроне, наш учитель физкультуры. Он и сам был хорош. Когда мы делали упражнения, он усаживался со спор-

тивной газетой и проделывал две дырки в середине, чтобы следить за нами. Как будто мы этого не знали. Но особенно он прикапывался к трем пороссятам. Они всегда приходили к финишу втроем: Балестри, Биелло и Иннаморато, бледные как покойники с высунутыми языками. «Молочные пороссята! – кричал учитель. – Вас надо бы насадить на вертел и подрумянить». И хохотал как помешанный. Но я не напоминаю об этом Балестри. Лучше не надо. Он ведь позвал меня на ужин. Да еще и узнал меня первым.

– О'кей, тогда в девять в «Acqua delle donne», с подругой или без.

– Хорошо.

Он прощается и убегает. Что он делал в спортзале? Лишнего веса у него нет, он худой как мои самые выцветшие воспоминания. Впрочем, это его дела. А он все же клевый.

Ну вот. Я так и знала! Я так и знала, что Стэп придет сюда, в спортзал. Я была в этом уверена. И точно знала, что придет именно в этот спортзал! Какая же я умная! А он такой консервативный. Даже слишком. Хочется надеяться, что он хоть в чем-нибудь изменился! Ну ладно, теперь я ухожу. Он меня не видел. Я же слышала то, что должна была услышать.

Подхожу к первым тренажерам, быстро разминаюсь, повторяю все с начала, энергично, чтобы разогреть мышцы. Нагрузки небольшие, самый необходимый минимум. Вижу, как торопливо убегает какая-то девчонка в оранжевой шапочке, шапочка сползает у нее с головы. Сколько же стран-

ных людей на этом свете. Рядом две другие девчонки болтают и смеются над чем-то. Рассказывают друг другу о вчерашнем вечере и строят планы на сегодняшний. Одна слегка накрашена, у нее короткие мелированные волосы, которые она беспрестанно поправляет. У нее чудная фигура, и она выставляет ее напоказ. Вторая – пухляшка невысокого роста, волосы падают на плечи, они кажутся темнее, чем на самом деле, потому что грязные. Руки держит на бедрах, ее серый тренировочный костюм кое-где в пятнах, и из него слегка выпячивается живот.

– Давайте, работайте! В спортивный зал ходят работать.... Я улыбаюсь, проходя мимо них.

Низенькая, вместо ответа, строит какую-то рожицу. Вторая поспокойнее.

– Мы восстанавливаемся.

– После чего?

– После упражнений со штангами.

– А, я – то думал, после чего поприятнее.

– Это будет позже.

– Кто бы сомневался.

Теперь они обе смеются. На самом деле, насчет второй у меня есть кое-какие сомнения. Женщины всегда умеют сделать так, что последнее слово будет за ними. И что поделаешь, нам приходится консолидироваться, по крайней мере, в некоторых случаях. Я смотрю на нее внимательнее. Она говорит что-то подруге, указывая на меня взглядом. Та смот-

рит на меня. Я вижу ее отражение в зеркале, она улыбается. Девушка и вправду красивая: короткие волосы, маленькая грудь четко вырисовывается под боди. Видны соски. Она это знает, но не прикрывается. Я улыбаюсь и переключаюсь на свой брюшной пресс. Делаю первый подход до ста. Когда заканчиваю, девушек уже нет Наверное, пошли в душ Не факт, что я их узнаю, если случайно встречу. Меня всегда удивляло, до какой степени женщина меняется, выйдя из раздевалки. Она совершенно не похожа на ту, которую ты видел чуть раньше на тренажере со свободными весами. Все без исключения становятся красивее. В худшем случае, ты представляешь ее в элегантной одежде, а она выходит в сапогах с золотыми пряжками или что-нибудь в этом роде. Но так или иначе, они меняются. Здесь еще не последнюю роль играет макияж. Второй подход до ста. Я, не останавливаясь, делаю упражнения: руки за голову, локти прямые, напряженные, открытые; смотрю в потолок. Раз-два. Еще быстрее. Все, больше не могу, в мышцах появляется боль, я думаю об отце, о его новой женщине. Продолжаю, не останавливаясь, восемьдесят восемь, восемьдесят девять, девяносто. Думаю о матери. Девяносто один, девяносто два. Сколько же времени я ее не видел. Девяносто четыре, девяносто пять. Я должен позвонить ей, надо бы позвонить. Девяносто восемь, девяносто девять, сто. Все.

– Глазам своим не верю, Стэп!

Я оборачиваюсь, слова вымолвить не могу – такая боль в

мышцах живота. На секунду вспоминаю фильм Троизи¹², где герой, увидев женщину, которая ему очень нравится, делает круг вокруг дома и, когда выскакивает на нее, так тяжело дышит, что слова вымолвить не может.

Троизи – это круто.

– Что ты тут делаешь? А-а, ты вернулся... Мне говорили, ты в Нью-Йорке!

Кто тут еще? Ничего не поделаешь. Здесь невозможно остаться незамеченным.

Перевожу дыхание. Ну уж его-то я сразу узнаю.

– Привет, Яхтсмен, как дела?

– Ты помнишь мое прозвище? Знаешь, меня уже давно так никто не называет.

– Значит, ты изменился?

– Да я и не понимал никогда, почему все называли меня Яхтсменом. Я говорил, что люблю лодки, но никогда толком на них не катался.

– Ты что, и вправду не знаешь, что значит твое прозвище?

– Нет, не знаю.

Я рассматриваю его. Те же крупные зубы, футболка с дырками, ярко-синего цвета шорты рваные и сползшие носки, идеально сочетающиеся со старыми кроссовками «Adidas stansmith». Яхтсмен.

– Ну, скажи.

Я вру:

¹² Массимо Троизи (1953–1994) – итальянский актер, сценарист и режиссер.

– Тебя звали Яхтсмен, потому что ты очень любил море.

– Поэтому? Теперь понял. Это правда. Я его люблю.

Он удовлетворен, он гордится своим прозвищем. Кажется, он даже смотрится в зеркало, настолько его плющит. На самом деле, у него никогда не было денег, и он ходил с нами, чтобы поесть пиццу на халяву. Поэтому все и говорили: «Вон он, несется на всех парусах». Бедный Яхтсмен. Однажды он получил тумачков от одной потаскухи в боулинге, недалеко от Аниене: он там, вроде как выполнил какую-то работенку и хотел, чтобы ему сделали скидку. У него было при себе девять евро, а навеселился он на все двадцать...

– Слушай, я так рад, что ты вернулся, – он восторженно смотрит на меня, похоже, и вправду рад. – Ты уже видел кого-нибудь?

– Нет, я вчера только приехал. Никого еще здесь, в зале не видел.

– Сейчас уже кто где занимается. А многие пошли работать. Другие за границу уехали. Ой, смотри, кто идет.

За окном проходит парень с короткой стрижкой и темно-синей сумкой на плече.

– Что-то не узнаю.

Присматриваюсь. Нет, не узнаю. Яхтсмен изо всех сил старается мне помочь.

– Да это же Негр. Помнишь его?

– А-а, понятно. Что-то припоминаю.

Парень входит и здоровается с Яхтсменом:

– Привет, Андрё. Тренируешься?

Яхтсмен гордо указывает на меня. – Ты что, не видишь, с кем я? Это Стэп.

Негр смотрит на меня внимательно. Улыбается. У него симпатичное лицо, немного сплюснутые скулы. Он делает шаг навстречу.

– Что, и вправду Стэп?... Быть не может. Сто лет не виделись.

Теперь я его узнаю. Сейчас у него короткие волосы. Раньше они были длинные, сальные, он частенько стоял в синей куртке у бара «Эвклиде» возле Винья Стеллутти.

– Я и не знал, что у тебя такое прозвище. Негр. Кажется, тебя зовут Антонио.

– Да, после той истории с Тайсоном, все решили, что я на него похож.

У него короткая шея, пористая кожа, и слегка приплюснутый нос. И волосы подстрижены, как у Тайсона. Круглые глаза, и верхняя губа чуть больше, чем надо.

– Не очень-то ты похож.

– Не внешне! – Он хрипло смеется и закашливается. – Это из-за драки! Короче, я был на конкурсе мисс Террачина и там стал клеить одну участницу. Понял? Поэтому мне и припомнили Тайсона. Эта телка пригласила меня к себе в комнату, я полез к ней, а она думала, что я буду ей анекдоты рассказывать. Заорала и указала мне на дверь. Но я-то ей быстро объяснил, что она с головой не дружит. Вот с тех пор

меня и прозвали Негром.

Они с Яхтсменом дружно смеются.

– Про эту историю писали все местные газеты. Легендарный Понтийский Тайсон. Так что я был прав, той девице радоваться надо было.

Яхтсмен добавляет азартно:

– Ты круче Тайсона! – И они снова заливаются смехом.

– Кстати, ты ведь был в Америке – в Нью-Йорке, если не ошибаюсь.

Ну вот, снова.

– Да. Я жил там два года, учился. Вчера вернулся. А сейчас хочу потренироваться.

Я пытаюсь закончить разговор.

– Слушай, а как ты насчет помахаться немного? Я слышал, ты был неплохим боксером – Негр улыбается: он доволен своим предложением. Он уверен в себе.

– Ты, конечно, давно не тренировался и если не хочешь – черт с ним, забей. Просто все тут повторяют: «это легенда», «это легенда», и вот я, наконец, тебя вижу...

Негр самодовольно посмеивается – не слишком ли он уверен в себе? Похоже, он тренируется каждый день часа по полтора.

– Давай, если хочешь.

– Тогда я иду переодеваться.

В его глазах появляется особый блеск: взгляд оживляется и становится злее. А Яхтсмен по-прежнему ведет себя по-

идиотски:

– Круто, значит, можно делать ставку, вот мне свезло, Негр. А можно, я за твой счет угощусь «Гатораде»¹³, а то я сегодня без копейки?

Негр кивает и направляется в раздевалку. Яхтсмен на всех парусах несется в бар, подтверждая свое прозвище. Я остаюсь в одиночестве. Алессио из-за стойки пристально смотрит на меня. Он сосет «Чупа-Чупс», и во взгляде его появилось что-то новое. Он опускает глаза и утыкает их в «Parioli Pocket», лежащий перед ним на столе. Перелистывает две страницы, снова смотрит на меня и улыбается.

– Извини, Стэп, я тебя не знал. Не знал, кто ты.

– И кто же я, черт возьми?

Он некоторое время растерянно смотрит вверх, как бы пытаясь найти на потолке ответ. Так и не обнаружив его, решительно выпаливает:

– Ну, ты известная личность.

– Известная личность... – размышляю над услышанным. – Да, это интересный аргумент. Молодец. Я никогда об этом не думал.

Он радостно улыбается, ему и в голову не может прийти, что, в действительности, он просто кретин.

– Слушай...

– Что, Стэп?

– Есть здесь что-нибудь для бокса?

¹³ Энергетический напиток компании «Пепси».

– А как же.

Он выходит из-за стойки и быстро идет к скамейке у входа. Поднимает сидения.

– Здесь вещи Марко Туллио. Он никому не разрешает ими пользоваться.

– Спасибо.

Взгляд его полон восторга. Я сажусь на скамейку и натягиваю боксерские перчатки. На него не смотрю, но чувствую, что он глаз с меня не сводит.

– Хочешь, затяну?

– Давай.

Подбегает ко мне. Аккуратно берет шнурки, крепко затягивает их с внутренней стороны перчаток. Теперь он не улыбается, он – сама серьезность. Слегка кусает губу, а длинные волосы то и дело падают ему на глаза. Другой рукой он отбрасывает их назад, не переставая трудиться. Медленно, старательно, он крепко завязывает мне перчатки.

– Готово! – он снова улыбается.

Встаю. Стучу перчатками одну об другую.

– Нормально?

Он хочет убедиться, что хорошо сделал свою работу.

– Классно.

Из женской раздевалки выходят девушки, с которыми я только что разговаривал. На высокой – черные брюки, доходящие до щиколоток, легкий макияж, на губах – помада, придающая им спокойный и доброжелательный вид. Сумка

через плечо, белая рубашка с маленькими перламутровыми пуговками, – все это хорошо сочетается с ее элегантной походкой. На той, что пониже, – юбка в сине-коричневую клетку, коротковатая для ее ног, и черные мокасины, не вяжущиеся с ее небесно-голубой кофточкой. С помощью косметики она попыталась сотворить чудо со своим лицом, но чуда не случилось: похоже, святые, отвечающие за такие чудеса, сегодня отдыхают. Девушки остановились у стойки. Алессио идет к ним, чтобы сделать пометки в их абонементах.

Высокая подходит ко мне.

– Привет, меня зовут Аличе.

– Стефано.

Протягиваю ей руку в перчатке. Она со смехом пожимает ее.

– А это моя подруга Антонелла.

– Привет.

– А ты что, боксом занимаешься?

– Да, пытаюсь.

– Ты не возражаешь, если мы останемся посмотреть бой?

– Почему я должен возражать? Если вы будете за меня болеть, конечно, оставайтесь.

Они смеются.

– Хорошо, ставим на тебя. А вдруг победишь?

В этот момент из раздевалки появляется Негр. На нем длинные голубые спортивные трусы как у настоящего боксера. Он уже надел перчатки. На руках у него несколько шра-

мов и куча татуировок. Неплохая экипировка.

Аличе удивленно:

– Ты что, с Негром будешь драться?

Так значит, он тоже известная личность.

– Да, а что?

– Знаешь, мы, похоже, ошиблись, поставив на тебя.

Девушки и в самом деле смотрят на меня с тревогой. Я пытаюсь успокоить их:

– Да ладно, девчонки! Самое страшное – если эта кани-
тель затянется.

Негр меня перебивает.

– Ну что, пошли?

Он спешит.

– А как же. Иди вперед.

Он проходит в зал аэробики. На синих матах две девоч-
ки делают упражнения на брюшной пресс. Увидев нас, они
недовольно вздыхают:

– Только не говорите, что нам нужно уйти.

Я пытаюсь свести все к шутке:

– Если только вы тоже не собираетесь помахать кулаками.

Негр лишен чувства юмора:

– Давайте, валите отсюда.

Через минуту их уже нет.

– Три раунда без перерыва, согласен? – он произносит это
довольно жестко.

– Согласен. Получится неплохая тренировка.

– Получится классный бой, – он неприятно улыбается.

– О'кей, как хочешь, – поворачиваюсь к Аличе, которая стоит у окна. – Будешь давать команду?

Она кивает с улыбкой.

– Буду. А как это делается?

– Очень просто. Каждые полторы минуты будешь кричать «Стоп».

– Понятно.

Она смотрит на часы, готовясь дать старт. Тем временем я разминаюсь, подпрыгивая на месте, и разогреваю руки. В голове проносится мысль: эта низенькая, Антонелла, могла бы каждые полторы минуты входить с табличкой номера раунда, а потом пробегать по всему залу, как в американском кино. Но здесь не Америка. И не кино. Здесь спортзал. Негр тоже начинает подпрыгивать и наносить удары в воздух, глядя при этом на меня в упор. Аличе отрывает глаза от часов. Наши взгляды встречаются. Она волнуется. Как будто чувствует за собой вину. Но тут же решает, что ждать нечего. И громко кричит:

– Бокс!

Негр сразу же выдвигается мне навстречу. Про себя я улыбаюсь. Единственное, чем я продолжал эти два года заниматься в Америке, – это ходить в спортзал. А если точнее – я занимался боксом. С той лишь разницей, что там были реальные негры, сильные и с хорошей реакцией. И биться с ними было стремно. Очень стремно. Но я держал удар. И не

так уж плохо. Но что я делаю? Я думаю не о том... Нашел время. Негр внезапно наносит мне два мощных удара в лицо.

Я уклоняюсь вправо и влево. И нагибаюсь, когда он делает попытку ударить меня в скулу. Потом делаю вдох и прыжками отхожу назад. Уклоняюсь еще от двух ударов и начинаю по дуге обходить соперника. Негр делает обманное движение и бьет меня в низ живота. Я вздрагиваю и сгибаюсь пополам. Бляха, мне не хватает воздуха. Из меня вырывается какой-то хрип, и зал начинает вращаться. Да, он мне хорошо вмазал. Едва успеваю разогнуться, как на меня справа обрушивается его перчатка. Уклоняюсь чисто инстинктивно. Но он задевает меня и разбивает нижнюю губу. Блин. Блин. Сукин сын. Я смотрю на него. Он улыбается:

– Ну, как дела, легендарный Стэп?

Этот козел настроен серьезно, Я возвращаюсь в стойку:

– Теперь лучше, спасибо.

Понемногу прихожу в себя. Предметы снова обретают свои контуры. У окна собрался народ. Я узнаю Аличе, ее подругу Антонеллу, Алессио, Яхтсмена и еще кого-то. Перевожу взгляд и концентрируюсь на сопернике. Теперь моя очередь. Негр попрыгивает и наступает, прикрываясь правой и атакуя левой. Я пропускаю его, уклонившись вправо, и резко бью левой рукой ему в бровь. Подскакиваю и со всей силой бью правой в лицо. Слышу, как трещит нос под перчаткой. Он не успевает отпрыгнуть назад, как я два раза бью его в левый глаз – первый удар он блокирует, но потом теряет бди-

тельность, и второй удар настигает его, как болид.

Негр пятится и трясет головой. Глаза он открывает как нельзя вовремя: как раз, чтобы увидеть мой хук. Правую бровь я ему разбил. Кровь стекает на щеку, как будто он плачет красными слезами. Негр пытается прикрыться перчатками. И получает апперкот в живот. Складывается пополам и опускает перчатки на землю. Ошибочка. Вот видишь... Ошибочка. Я однажды видел такое в Америке и инстинктивно повторил.

– Эй, Негр, а ты-то как себя чувствуешь?

Я не жду от него ответа. Я его уже знаю. Заряжаю правую и посылаю заряд. Снизу вверх, в низ подбородка. От этого удара Негра отбрасывает назад. Он классно улетает. И приземляется на пирамиду из розовых и фиолетовых степперов, пирамида рушится. Его отбрасывает к зеркалу, и он медленно скользит по нему лицом, оставляя розовый след. Опускается на бежевый линолеум, по которому тут же растекается кровь.

Я поворачиваюсь к Аличе:

– Ну, сколько там осталось?

Аличе смотрит на часы. Осталось несколько секунд.

– Стоп. Теперь все.

– Видишь, я же говорил? Это будет недолго.

Я выхожу из зала аэробики. Яхтсмен бежит посмотреть – как там Негр.

– Не волнуйся, всё в порядке. Он дышит.

Яхтсмен успокаивается.

– Не хрена себе, Стэп, ты же кишки ему выпустил.

– Он ведь сам хотел серьезный бой.... Вот и получил.

Я иду к зеркалу. Смотрю на губу. Она разбита и распухла.

Зато с бровью порядок. Ко мне подходит Аличе.

– Если бы это был настоящий бой, и я поставила бы все свои деньги, я бы все потеряла.

– Да ладно тебе, мы бы с тобой договорились, и я бы свалился в первом же раунде.

Подходит Алессио:

– А я бы, наоборот, все деньги себе забрал. Сам не знаю почему, но я сразу понял, что победишь ты.

– Как это-сам не знаешь почему.

Он снова попал в неловкое положение: хочет что-то сказать, а что – не знает. Я прихожу ему на помощь.

– Давай, сними мне перчатки.

– Держи, я тебе принес льда для губы.

Аличе тоже несет мне бумажную салфетку с кубиками льда.

– Спасибо. Скажи своей подруге, чтобы она набрала холодной воды и протерла лицо Негру. Ему будет легче.

– Она уже это делает.

Аличе смотрит на меня со странной улыбкой. Я заглядываю в зал. Антонелла помогает Яхтсмену делать примочки Негру. С помощью косметики, или если случится чудо, девушка получит свое. Яхтсмена или Негра. Даже не знаю, кто

из них хуже. Один, скорее всего, ей не заплатит, второй изнасилует. Но меня это не касается. Я сажусь на скамейку. Прикладываю салфетку к губе. Аличе смотрит на меня. Она хочет что-то сказать. Но как и Алессио, не знает, что именно. Я не иду ей на выручку. Никакого желания. Сейчас, по крайней мере.

– Извини, я пойду в душ.

И ухожу со сцены. Оставляю их одних. На минуту представляю, как Аличе и Алессио ужинают вместе: оба пытаются завязать разговор. Феде не пришла бы от этого в восторг. Но это тоже меня не касается. Через миг, забыв обо всем на свете, я захожу в душ.

16

Тот, кто не видел бар «Ванни», не сможет меня понять. Впрочем, как и тот, кто видел. Останавливаю мотоцикл перед ним. Тут что-то вроде арабского квартала, где много цветных. Женщина с крупными губами и столь же внушительным бюстом разговаривает с лысеющим типом, у которого остатки волос зачесаны так, чтобы замаскировать лысину. На женщине – короткая юбка, открывающая чудные ножки. Конечно, она смеется, слушая рассказ лысого, и при этом отвечает кому-то по телефону, похоже, врет. Лысый притворяется, что ему по барабану, он сует руку в карман пиджака в мелкую белую полосочку. Вынимает сигарету и закуривает.

Выпускает кольцо дыма и делает вид, что ему в кайф, а его взгляд так и скользит в вырез платья женщины. Она ему улыбается. Как знать, может, он и раздует в ней огонь. Вокруг царит хаос. Все орут, кто-то просит мороженое похолоднее, парни, сидя на мопедах, обсуждают планы на вечер. Мимо проезжают «Мазерати» в поисках места для парковки. Какая-то «Мерседес» пристраивается во второй ряд. Все здороваются друг с другом, тут все друг друга знают. А вон Джепи, он сидит на мопеде «SH50»: коротко стриженные волосы, на запястье – татуировка браслета в стиле маори и остатки второй татуировки, сделанной давным-давно на костяшке правой руки. Там еще можно прочесть слово «Боль». Может, он думает, что с такой надписью удары, которые он наносит, будут эффективнее. Я отстраненно улыбаюсь. Он смотрит по сторонам с безразличным видом. На нем – рваная худи, непонятно какого размера. Пробегает рассеянным взглядом по мне: не узнает. Так даже лучше. Мне надо встретиться с одной шишкой, а Джепи не имеет к этому никакого отношения. Шишка... По крайней мере, так мне видится этот тип, описанный отцом. Он говорил о жутко образованном мужчине, высоком, элегантном, худом, всегда одетом как с иголочки, с длинными волосами, темноглазом, в галстук «Regimental» с чуть ослабленным узлом. Отец особенно подчеркивал эту деталь: «Немного ослабленный галстук имеет очень большое значение, Стэп, но это пока мало кто понимает».

Думаю, никто его об этом никогда и не спрашивал. Я оглядываюсь по сторонам. Не вижу никого, кто мог бы быть «шишкой». Если присмотреться, то и особо худых здесь тоже не видно. Разве что Джепи. Да, честно говоря, Джепи довольно худой. Ему, правда, недостает всего остального. Он так и сидит на своем мопеде «SH 50». Мимо проходит цыганка лет пятидесяти. Джепи рассеянно смотрит перед собой, и цыганка хватается его со спины за руку.

– Один евро за твое будущее. Я приношу счастье.

– Чего тебе? Ты что, рехнулась?

– Поверь мне, дай я тебе по руке погадаю, милый. – Цыганка начинает водить пальцем по руке Джепи, как бы читая. – Ну вот, вижу удачу...

Джепи испуганно отдергивает руку.

– Да иди ты! Не хочу я знать свое будущее!

Но цыганка настойчива и снова хватается его руку.

– Покажи мне хорошенько, всего один евро, я же сказала.

– Да ты не поняла, что ли? Не трахай мне мозги!

Цыганка не отстает. Она начинает рассказывать его будущее. Не просто так, за деньги! Это становится похоже на какую-то смешную игру. И тут Джепи вырывает руку и плюет ей в лицо. И смеется. Цыганка берет край юбки, обнажая коричневые лодыжки, и вытирает лицо. На щеке появляется светлая полоска, с ее черных губ несутся проклятия:

– Пропави ты пропадом! Я тебе еще покажу!

– Что? Что ты сказала? Повтори! Ну, говори, сейчас по-

лучишь у меня!..

Джепи спрыгивает с мопеда, чтобы дать ей тумака, но цыганка убегает. На минуту все увлекаются этой сценой, но тут же возвращаются к своей болтовне. Забавно – можно будет рассказать кому-нибудь за ужином или просто к слову упомянуть Одно точно: Джепи – не тот, кого я жду. Наконец, я вижу его. Вон он. Его вид абсолютно не вяжется с окружающей обстановкой. Сидит себе за столиком и потягивает из стакана что-то светлое. В стакане плавает оливка. У него длинные волосы, как и было сказано. На нем льняной темно-синий костюм, белая, безупречно чистая рубашка. Легкий галстук в черно-синюю полоску доходит до ремня, ноги скрещены. Из-под брюк видны «Top-Sider»¹⁴, не слишком новые, но и не слишком старые: вполне сочетающиеся с ремнем на брюках.

Если бы у меня и оставалась тень сомнения, то расстегнутая верхняя пуговица рубашки решительно бы его отмела. Это он.

– Здравствуйте.

Он встает. Кажется, он рад меня видеть.

– О, добрый день. Вы Стефано?

Пожимаем друг другу руки.

– Ваш отец так много говорил о вас.

– А что ему остается?

Он смеется.

¹⁴ Компания, производящая легкую обувь.

– Извините. – Ему звонят по телефону: – Привет. Конечно, не волнуйся. Я уже все сказал. Я все сделал. Все нормально. Вот увидишь, они всё подпишут.

Как всякая шишка, он любит слово «всё».

– Извини, у меня встреча. Да, пока. Да, конечно. Конечно, мне подходит, я же сказал.

Он захлопывает телефон.

– Вот зануда. – Улыбается. – Извините. Итак, вы говорили что...

Я начинаю рассказывать о курсах, которые я закончил в Нью-Йорке.

– Значит, трехмерная графика.

– Да.

– Прекрасно. – Он удовлетворенно кивает. Кажется, он разбирается в этом деле. Снова звонит телефон. – Извините, сегодня и вправду сумасшедший день.

Я киваю, делая вид, что понимаю. Думаю, у него каждый день такой. Вспоминаю, что и у меня тоже есть телефон. Глупо, но я слегка краснею. Вытаскиваю его из куртки и выключаю. Он замечает это. А может, и нет.

Он заканчивает разговор.

– Отлично, я тоже его выключу, так мы сможем с вами спокойно поговорить.

Значит, заметил.

– Итак, ты будешь ассистентом дизайнера Марк-Антонио Маццокка, – стремительно переходит он на «ты», – он у нас

занимается графикой. Большой умница. Ты сейчас с ним познакомишься, он скоро подойдет, это с ним я только что говорил.

Надеюсь, это не тот, с которым он говорил в первый раз: того он назвал занудой.

– Представляешь, он из аристократов, у него огромные поля с виноградниками на севере. В Вероне. Вернее, у его отца. Он занялся живописью. Потом приехал сюда, в Рим, и пошел по фирмам: делал им приглашительные билеты на разные праздники, ну и всякую другую мелкую работу. И потихоньку стал специализироваться на компьютерной графике. А потом я его взял к себе.

Я слушаю его. Хочется сказать: это как в том фильме «И пришел паук» – «Человека можно узнать по его занятиям». Но решаю ничего не говорить. Надо сначала познакомиться с ним, с этим Маццокка. Он делает глоток аперитива. Здоровается с кем-то. Вытирает губы бумажной салфеткой. Улыбается. Он упивается своей властью, своими решениями, тем, что взял на работу аристократа, который занимается графическим дизайном у него на телевидении.

– В общем, надеюсь, ты подружишься с ним. Конечно, он немного зануда....

Значит, он из первого разговора.

– Но что касается работы, он очень четкий, и еще...

Он не успевает закончить.

– Стэп, это ты, что ли?

Я поднимаю глаза. Нет, только не это. Передо мной – Джепи со своей тупой физиономией: на лице улыбка, а руки высоко подняты и распахнуты для объятий. Он похож на пророка, правда, слегка тронутого, с волосами, торчащими из непонятного размера худи и короткой стрижкой.

– Глазам своим не верю, неужели – ты? – он яростно хлопает в ладоши. – И впрямь – ты. Куда ты, блин, пропал?

– Привет, Джепи, как дела?

– Да нормально. Чертовски рад тебя видеть. А что это ты так вырядился? Во блин! Стэп вернулся в наши ряды!

Он крутит башкой, ищет, кому бы еще прокричать новость, но кроме меня оценить это шоу некому. Разве что господину Романи... Впрочем, вряд ли он на него рассчитывал.

– Джепи, извини, но мы разговариваем.

Я смотрю на господина Романи, сам не зная почему, ожидаю от него поддержки. Он мне улыбается, как бы говоря: не волнуйся, такие вещи иногда случаются, ты и представить себе не можешь, сколько таких же идиотов крутится вокруг меня. Так, во всяком случае, мне кажется.

– Э, слушай, Стэп, я четко помню, как ты отделал тогда Манчино. Мы были тогда в мороженице, у Джованни, помнишь? Он сидел там как основной, а потом ты приехал. Ты и с мотоцикла слезть не успел, он тут же свалил. Ты как огурчик был, мама дорогая! А он-то думал, ты сдох... – Джепи хохочет во все горло. – Хрясь! Ты его пнул в живот, он и опомниться не успел. Потом по роже его – хрясь, хрясь,

хрясь! – Джепи вскакивает и начинает пинать ногой воздух. – Хрясь, хрясь, хрясь. Я помню все как вчера – вот это бойня была, ты его классно отделал тогда, а потом еще на заправке, на корсо Франча, у Беппе. Те два борова приехали на «Рено 4», и еще сказали, что они дружки Манчино и встали перед тобой...

– Джепи, извини, я разговариваю с человеком.

– Ничего-ничего, не волнуйтесь.

Романи отхлебывает аперитив; кажется, рассказ очень его занимает.

– Пусть рассказывает.

Джепи вопросительно смотрит на меня, и тут же, не получив даже и намека на разрешение, преспокойно продолжает:

– Но у нас зато была цепь. Неплохо, правда? Кажется, они после того перестали дружить с Манчино! Ха-ха-ха! – он снова хохочет как полоумный, еще громче прежнего. – Вот было классно! Прошли те времена, все теперь не так. Теперь все тихие, сбились как овцы в стадо, ни имен, ни правил, ни понятий... Вот, к примеру, если начнешь гулять с чьей-нибудь подругой, так тот и ухом не поведет. Никаких понятий.

Это последнее умозаключение, граничащее с ностальгической горечью о прошлом, окончательно вывело меня из себя.

– Слушай, может, увидимся как-нибудь вечером?

– Конечно. Вот мой номер.

Он вытаскивает из заднего кармана джинсов карточку. Я

смотрю на нее с отвращением. На карточке – номер телефона, а на обратной стороне – фото Джепи: прекрасно выполненная черно-белая фотография, представляющая его с обнаженным торсом в позе культуриста или что-то в этом роде.

– Клево, скажи? Это я в двухтысячном сделал, – и добавляет серьезно. – Мне это для работы надо.

И отступает, сделав напоследок характерный жест: подносит ко рту оттопыренный большой палец и мизинец.

– Позвони мне, Стэп, съедим по пицце. Я буду ждать!

Я киваю, мучительно улыбаясь. И Джепи удаляется подпрыгивающей походкой.

– По-моему он симпатичный.

Романи смотрит на меня нерешительно. Похоже, не очень-то он уверен в своем утверждении.

– Ну, по-своему... Я давно его не видел. Когда-то он был забавный.

– Когда-то? Такое впечатление, что с тех пор сто лет прошло. А на самом деле – несколько лет?

Его вопрос повисает в воздухе. На самом деле, прошло действительно сто лет. Романи допивает свой аперитив. – Вот он идет. Это Марк-Антонио.

Странная смесь Джека Николсона и Джона Малевича. Он идет к нам, улыбается, во рту – сигарета. Короткие волосы, залысины и длинные бакенбарды на щеках. Очаровательная улыбка, хитрый взгляд. Одним щелчком он отбрасывает сигарету, и, сделав пируэт вокруг самого себя, ловко садится

на свободный стул за нашим столиком.

– Ну, как дела? Я немного занудничал по телефону, да? – Он не дает Романи ответить. – Да, это мое главное дарование. Доводить человека, медленно, но верно. Это как китайская пытка: капля за каплей – и самый крепкий металл разъедает. Тут вопрос времени, главное – не спешить, а я и не спешу.

Он вынимает голубую пачку «Честерфилд лайт» и кладет ее под черную зажигалку «Bic». Марк-Антонио Маццокка, обедневший аристократ, живущий на белую зарплату.

Я ему вторю:

– Стефано Манчини, надеюсь, твой ассистент.

– Ассистент. Какое неблагородное слово выдумали.

Романи перебивает его:

– Может быть, для тебя и неблагородное, но он будет твоим ассистентом. Ладно, я вас оставляю. Объясни ему все хорошенько. Потому что с понедельника он приступает к работе. Мы выходим в эфир через три недели. И все должно быть как надо.

– Все будет как надо, шеф! Я принес логотип, и если вы хотите посмотреть... – Он протягивает ему маленькую папку, которая каким-то чудом появилась из внутреннего кармана его легкого пиджака.

Романи раскрывает ее. Марк-Антонио смотрит на него, уверенный в качестве своей работы. Романи доволен, но все же делает замечание:

– М-м-м, логотип светловат, и еще... Убери все эти загогулины и все эти стрелки. Не надо наворотов.

Романи уходит с папкой под мышкой.

– Он хочет, чтобы последнее слово всегда было за ним. А мы ему подыгрываем.

Он закуривает вторую сигарету. И расслабляется, усаживаясь поудобнее на стуле; достает из кармана другую папку. Открывает ее.

– Вот, смотри.

Там тот же самый рисунок логотипа, но более темный и без стрелок: именно такой, как хотел Романи.

– Видал? Уже готов. – Потом потягивается, поглядывая по сторонам. – Правда тут чудно, ты не находишь, ассистент? Смотри, какие цвета, какие женщины... вон, смотри!

Он показывает на блондинку с короткими волосами и мускулистым телом. Крепкие ноги, едва прикрытые узкой юбкой, нос великоват по сравнению с губами, глядя на которые невольно думаешь, насколько они приятны в деле.

– Я с ней близко знаком. Она тоже из нашего круга, знаешь...

– В смысле?

– Ну, из нашего круга... по работе – женщины с картинок, – он, смеясь, выпускает колечко дыма. – Ты видел ее губы? Она выпила меня до дна!

Этим он подтверждает предположение, насколько они приятны в деле.

– То есть? Ты хочешь сказать, что они все такие?

– Не все. Есть красивее, есть просто красавицы. Ты их увидишь, увидишь. Они нормальные. Под разноцветными одеждами скрываются фантастические женщины – балерины, артистки, статистки. Они смеются, загораются от ерунды, как бомбочки с коротким фитилем. А за этими телами, затынутыми в узкие платья, за этими задницами, едва прикрытыми короткими юбками, спрятаны их истории. Грустные, веселые, невероятные. Там есть девушки, еще студентки, есть молодые мамы с детьми, или уже разведенные, есть никогда нигде не учившиеся; одни собираются замуж, другие разводятся, третьи никогда замуж не выйдут. Всех их объединяет одна мечта: появиться когда-нибудь в волшебном ящике. Появиться....

– Да, видать, они тебе очень нравятся, если ты так о них рассказываешь. Ты настоящий поэт.

– Я Марк-Антонио, родом с севера, туда за Миан – из богатейшего Венето. И ни копейки за душой. Все, что у меня осталось – благородная кровь и желание всех их любить, – и этим я очень даже богат. Ты их должен увидеть... И ты их увидишь, правда?

– Думаю, да.

– Нет, это точно. Ты мой ассистент или как? Вот увидишь, ты повеселишься от души! – он хлопает меня по плечу и встает. – Ну ладно, до свидания.

Берет сигареты и зажигалку и кладет их в карман. Под-

мигивает с улыбкой. Идет к девушке с короткими светлыми волосами и обходит ее со всех сторон. Я стою и смотрю на него. Он еще раз осматривает девушку со всех сторон, останавливается перед ней, держа руки в карманах пиджака. Начинает разговор: он спокоен, уверен в себе, на лице – улыбка. Она слушает его с интересом, смеется. Качает головой. Он ей указывает взглядом на вход, она думает минуту и соглашается. И идет к дверям бара «Ванни». Марк-Антонио смотрит на меня, улыбается и подмигивает. И догоняет ее. Кладет ей руку на спину, чтобы «помочь» войти в бар. Она не возражает, и они скрываются из виду.

17

На полную играет музыка, «What if there was no light, nothing wrong, nothing right, what if there was no time...». Голос Криса Мартина из «Coldplay» заполняет комнату. Хочется, чтобы громкая музыка заглушила другой звук. Настоячивый голос в груди, призывный и мучительный, не оставляющий ее ни на минуту вот уже несколько часов.

– Даниела, ты глухая, что ли? Потихе не сделаешь? Или ты хочешь, чтобы и Фьоре у себя в проходной выучила эту песню?

На минуту образ Фьоре, которая, подрезая цветы, вечно напевает на смеси английского с римским, отвлекает ее и она улыбается. Это длится мгновение. Потому что потом мучи-

тельный голос, тот голос, снова стучит ей в виски и терзает ее. Да, мама, лучше бы мне оглохнуть, тогда, может быть, я не слышала бы этот голос, твердящий мне правду, ту правду, которую я так не хочу слышать. Точно. Надо сделать музыку еще громче. Лучше петь вместе с Крисом те слова, что звучат сейчас как нельзя более кстати... Даниела начинает переводить про себя песню. Что, если бы не было света, ничего плохого, ничего хорошего, что, если бы время остановилось... Вот именно. Если бы время остановилось. Если бы оно остановилось навсегда. Ну хватит. Надо что-то делать, надо разобраться раз и навсегда.

– Алло, Джули? Я тебе не помешала? Что делаешь?

– Привет! Все нормально, слушай, я как раз о тебе думала!

– Ты думала обо мне? А что, мыслей повеселее не было?

– Да нет, знаешь почему?

– Почему?

– Я загружала с телефона на компьютер фотки, которые делала на вечеринке. Они такие классные! Отлично получились, хотя света там совсем не было. И ты там есть, когда ты танцуешь и с ума сходишь!

– Да ты что?! Я и не видела, что ты фотографируешь.

– Слушай, ты там просто обалдевшая! Я тебя сфоткала с Бранделли и с теми двумя кретинами, которые скакали вокруг тебя. Потом есть еще фотки, где ты кричишь, неизвестно что и непонятно кому... потом тебя больше нет, потому что ты куда-то исчезла! Тебя потом никто не видел! Куда ты

делась? Теперь рассказывай, что там было, чего я не успела заснять?

– Да уж! Праздничек был что надо! Я классно развлеклась! И я наконец-то сделала это! Прикинь? Кикко был на высоте, зря ты так плохо о нем говоришь... А во сколько я оттуда с ним ушла?

Джули не обращает внимания на этот вопрос. Голос Даниелы немного дрожит, когда она его задает, а ведь ей хотелось бы, чтобы он звучал уверенно и естественно.

– Слушай, а правда, когда я ушла? Ты-то в норме была, ты же обратила внимание? Через сколько я вернулась к тебе, и мы оттуда ушли?

– Блин, да ты и вправду ничего не помнишь! Экстази странно на тебя подействовал! Ну, я не знаю, потому что, если честно, Бранделли я видела: он сидел на диванчике и болтал с девицами, но тебя там не было. Может, вы вместе куда-то свалили? Ко мне ты вернулась только часа через два. Вот я и подумала, что вы неплохо повеселились! Ну, рассказывай! Как он? Тебе понравилось?

– Это было совсем не так, как я думала, да и как во всех подробностях представить то, чего в твоей жизни никогда не было? Пока ты не окажешься... слушай, я расскажу тебе все в следующий раз, когда мы увидимся. Не могу же я по телефону! Ты же знаешь, здесь все слышно. Если мама зайдет, мне конец. Даже если у меня музыка на всю громкость, она все равно все слышит, у нее слух как у собаки. Давай, я ско-

ро к тебе приду. Сейчас мне надо бежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.